

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АКБАРОВА МАХИРА

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
СПЕЦИАЛЬНОСТИ**

(арабское литературоведение)

Ташкент –2013

Данный курс предназначен для магистрантов филологического направления и включает в себе теоретические проблемы, в основном, арабского литературоведения. В содержание курса включены критические взгляды арабских литературоведов XX века, их теоретические исследования в области сравнительно-исторического метода, психобиографического, социального и демократического направлений.

Ответственный редактор:

Мухибова У.У. – доцент кафедры литературы стран зарубежного Востока, к.ф.н.

Такризчилар:

Ходжаева Р.У. - профессор кафедры литературы стран зарубежного Востока, д.ф.н.

Алимбеков А. - доцент УзНУ, к.ф.н.

Ушбу ўқув кўлланма ТошДШИ Ўқув-услугий кенгаши томонидан нашрга тавсия этилган (баённома № 4 11.06.2009й).

ВВЕДЕНИЕ

Данный курс предназначен для магистрантов филологического направления, обучающихся по специальности «Литературоведение».

Данный курс имеет целью обучить студентов методологии научно-исследовательской работы, определению основных элементов предмета, структуры научной исследовательской работы, правильно определить цели и задачи исследования, развить навыки работы с научным материалом, определить теоретические и методологические основы исследования, принципы и пути решения проблемы научного исследования.

В процессе обучения магистранту следует научиться познать и усвоить методы научного исследования, правильно выдвигать научные гипотезы, правильно определять и применять практические результаты и значимость исследуемой проблемы, понять суть научного исследования. Данный курс послужит подспорьем для студентов в процессе написания магистерской диссертации и в дальнейшей научной работе.

В XX веке было много сделано в изучении современной арабской литературы. Научные труды выдающихся арабистов И.Ю. Крачковского, А.Е. Крымского, Х.В. Оде-Васильевой, А.А. Долининой, В.Н. Кирпиченко, С.В. Прожогойной, а также исследования арабских литературоведов, критиков, таких как Мустафы Шакира, Дайф Шауки, Хусейна Мурувве, Мухаммада Мандура и др. послужили методологической основой исследования литературных процессов в арабских странах.

Пережив расцвет в древности и в средние века, восточные литературы на рубеже нового времени оказались в положении отставших, задержавшихся в своём развитии. В период возрождения (XIX-XX века), именуемый арабами «ан-Нахда» в арабской литературе начинают складываться новые эстетические воззрения, зарождаются новые жанры, новые литературные направления. Вместе с новой литературой формируются и новые школы, направления в арабском литературоведении.

Современное арабское литературоведение значительно расширило рамки своих задач. Арабская литература XIX-XX веков

утратила элитарный, нормативный характер. Современная поэзия, проза, драматургия стали объектом исследования арабских литературоведов.

Арабское литературоведение не едино в методологическом отношении. Различные школы и направления в ней формировались под влиянием русской критической мысли, западных исследователей литературы и традиционного восточного литературоведения.

В системе современного арабского литературоведения присутствуют не только ученые-филологи, но практики, авторы новых романов, рассказов, стихотворений. Такими являются Михаил Нуайме, на становление его как литературного критика огромное влияние оказала русская литературная школа, Таха Хусейн, литературоведческие воззрения которого формировались под влиянием западных ориенталистов и др.

Уровень литературоведения неодинаково высок в арабских странах. Лидирует Египет, страна, давшая миру выдающихся писателей как Таха Хусейн, Нагиб Махфуз, Юсуф Идрис и др. Но в любой из восточных стран эта наука призвана помочь национальной литературе осуществлять функции орудия совершенствования общества, должна заниматься всесторонним комплексным изучением путей развития художественного творчества в его связи с жизнью.

В содержание курса включены критические взгляды арабских литературоведов XX века, их теоретические исследования в области сравнительно-исторического метода, психо-биографического, социального и демократического направлений.

Данный курс разработан на основе учебного плана специальности магистратуры Ташкентского государственного института востоковедения, который должен служить путеводителем преподавателю в процессе преподавания курса «Методы научного исследования».

І ГЛАВА. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

1.1. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА. МИХАИЛ НУАЙМЕ

Цель учебного занятия: ознакомить с литературоведческой деятельностью известного писателя, проследить влияние русской критической мысли на формирование эстетических воззрений М. Нуайме.

Опорные слова: *сиро-американская литературная школа, Михаил Нуайме, литературная критика, Джубран Халил Джубран, Амин ар-Рейхани, “Ассоциация пера”.*

М. Нуайме - классик новоарабской литературы, член сиро-американской литературной школы. Эта школа объединила писателей - эмигрантов из Сирии и Ливана.

Членами этой писательской группы в Америке были: Джубран Халил Джубран, Амин ар-Рейхани, Михаил Нуайме, Абу Мади, Нодира Хаддад и др. Трое из них – М. Нуайме, Насиб Арида, А.Хаддад были питомцами русской школы в Палестине.

Обучение русскому языку М. Нуайме продолжает в русской учительской семинарии в Назарете. Здесь М.Нуайме совершенствует знание русского языка, читает русскую классику – Л. Толстого, Ф. Достоевского, А.Чехова и др. В 1906 году в числе лучших учеников его посылают, в Россию, в Полтавскую духовную семинарию. «В семинарии я снова погрузился в русскую литературу. Передо мной точно открылся новый мир, полный чудес. Я читал с жадностью»¹ - пишет М.Нуайме в автобиографии, посланной И.Ю. Крачковскому.

Истинным призванием М.Нуайме становится литература. Он автор многочисленных рассказов, критических статей, монографии о Джубране Халиле Джубране, пьесы «Отцы и дети» и др.

На становление М.Нуайме как литературного критика огромное влияние оказала русская литературная школа, в частности В.Белинский.

---

¹ М.Нуайме. Мои 70 лет, – М., 1980, –С.15.

Русской литературе М.Нуайме обязан своим художественным методом, художественно-эстетическими установками, взглядами на задачи литературы и литераторов.

Летом 1923 года вышло первое издание книги «Решето». Нуайме в это время находился в Нью-Йорке. Здесь он получил письмо от Мухиттдина ар-Риды, автора известной книги «Красноречие арабов в 20 в.». «Я знал, писал ар-Рида, - что «Решето» воспримут в Египте как удар грома и разразится буря»².

В книгу вошли все критические и литературоведческие статьи Нуайме, публиковавшиеся, начиная с 1913 г. в журнале «аль-Фунун» и газете «ас-Саих». Это были литературные эссе, критические обзоры, рецензии на отдельные произведения новой арабской литературы. Предисловие к книге написал видный арабский критик Аббас Махмуд аль - Аккад. Он уважительно отзывается о таланте Нуайме, его умении глубоко анализировать и объективно оценивать произведение далее Аккад отмечает, что в арабских странах нелегко приходится тем писателям, которые идут по пути новаторства, открыто выступают против традиций и в том, что Нуайме поступает именно так, считает Аккад, особая заслуга писателя.

«Эпиграфом к книге Нуайме выбрал арабскую пословицу: Если ты пропустишь людей через решето, то пропустят через него и тебя самого», и он не побоялся просеивать через решето даже общепризнанные авторитеты.

Прежде всего, он хочет определить значение и роль литературы в жизни общества и каждого человека. Этому посвящена статья «Ось литературы, “впервые опубликованная в первом номере сборника «Ассоциация пера» в 1921 году. По мнению Нуайме, главная ценность мироздания - человек, ему и должна служить литература, раскрывая его стремления и чаяния, пробуждая в нем надежду, указывая путь к счастью и справедливости.

«Часто бывает, - пишет Нуайме, - что какое -нибудь стихотворение рождает в тебе бурю чувств или какая -нибудь статья вселяет в тебя скрытую силу или какое -нибудь слово снимает с твоих глаз плотную завесу.

Вот что может литература. В этом ее сила».

---

² А. Имангулиева. Ассоциация пера и М. Нуайме. – М., 1975, с 82.

Литература - посредник между писателем и читателем. Она должна изучать тайны души и глубины мысли, но не быть лишь «выставкой словесных фокусов, стихотворных чудес - говорит Нуайме. Давайте будем изучать человека. Может быть, тогда мы увидим в нем все самое лучшее, что и следует показывать».

Нуайме с горечью пишет о недоступности литературы широким народным массам. В статье «Светлячки» он говорит о низком уровне современной ему арабской литературы, требует от нее правдивости, откровенного рассказа о насущных проблемах сегодняшнего дня. Он предлагает переводить с европейских языков на арабский те книги, которые могут служить образцами для создания истинных произведений искусства.

Значительное место в книге посвящено проблеме арабского литературного языка. Нуайме ревностно относится к сохранению его красоты и чистоты и в то же время критически отзывается об устаревших словарях, ставших настольными книгами многих литераторов, особенно поэтов, которые извлекают из них архаичные, непонятные современникам слова.

«Быть в плену у словаря, - пишет он, преклоняться перед ним - значит проявлять бессилие идеи, бесплодие духа, не верить в жизнь, в ее необыкновенную силу».

О том же он говорит в статье «Кваканье лягушек», которая была впервые опубликована в ежегодном сборнике «Ассоциации пера». В Дамаске, Бейруте литераторы восторженно встретили эту статью.

Многие статьи Нуайме посвящены языку поэзии. «Поэзия, которая доставляет наслаждение лишь красотой языка, словесными узорами и стихотворным мастерством ... подобна комнате, длина, ширина и высота которой равны двум локтям. Стены ее расписаны рисунками, потолок сделан из золота, а пол из серебра. Когда в первый разходишь в эту комнату она тебя потрясает, ты изумлен, но, пробыв в ней несколько минут, чувствуешь потребность в свежем воздухе и бежишь из нее без оглядки. Я уверен, что будущее поколение поэтов избавится от таких комнат»³.

---

³ А. Имангулиева Ассоциация пера и М. Нуайме. – М., 1975.

Книга «Решето» написана под влиянием русской школы литературной критики, в первую очередь работ В.Г.Белинского. Об этом свидетельствует содержание некоторых теоретических статей и эссе писателя, посвященных вопросам литературоведения и задачам литературной критики.

К первому изданию пьесы «Отцы и дети» Нуайме написал обширное предисловие под названием «Арабская драматургия», вошедшей в последствие отдельной статьей в сборник «Решето», в котором он затронул ряд принципиальных вопросов арабской драматургии и театра.

По его мнению, произведение, созданное для театра, в первую очередь, призвано воспитывать у людей добрые чувства, стойкость, мужество.

«Но у нас, - сетует Нуайме, - на театр смотрят как на шутку. Это потому что у нас нет такой драматургии, которая раскрыла бы перед читателем все стороны жизни, ее красоту и уродства, добро и зло, радости и беды. А я уверен, что наша жизнь подсказывает достаточно тем для драматургии». Примечательны слова Нуайме о том, что «театр должен открыть перед нами все стороны жизни так, чтобы мы могли увидеть себя на сцене», которые перекликаются с высказыванием Белинского «Театру следует быть не пустой забавой, не блестящим и бессознательным представлением, а высоким зрелищем, показывающим и объясняющим жизнь, действительность»⁴.

Нуайме затрагивает и вопрос о языке пьес. Персонажи арабских пьес, говорили, как правило, на классическом языке, который народ понимал плохо. Это делало театр доступным лишь ограниченному кругу людей. Попытки ввести в пьесы разговорный язык были очень робкими. Нуайме писал «Если писатель заставляет неграмотного крестьянина говорить на языке поэтических диванов, он оскорбляет этим и крестьянина, и себя, и читателей, и слушателей, потому что искажает реальную жизнь»⁵. Для языковой характеристики героев своей пьесы он избирает метод, не претендующий на универсальность. Образованные герои «Отцов и детей» говорят на литературном языке, необразованные на диалекте.

---

⁴ А. Имангулиева Ассоциация пера и М. Нуайме. – М., 1975, с 83.

⁵ См. там же, – С.83.

Говоря о значении литературной критики в развитии литературы, Нуайме указывал, что арабские критики еще не умеют правильно оценивать литературные произведения. «Наше несчастье - подчеркивал он, не в том, что у нас нет прекрасных произведений, а в том, что у нас нет человека, который мог бы по достоинству оценить их». Критик подобен ювелиру, который сам не добывает золота или алмазов, но сразу может отличить настоящую жемчужину от поддельной.

М.Нуайме: «Джубран Халил Джубран. Его жизнь и смерть, литературное и художественное творчество»

Эта книга М.Нуайме вышла в Бейруте в 1934 г. Это произведение, как отметил И. Ю. Крачковский, «начинает новый для современной арабской литературы жанр художественной биографии».

Книга о Джубране - плод многолетних наблюдений Нуайме, который был близким другом Джубрана, знал прекрасно его характер, был серьезным и глубоким исследователем его творчества. Вернувшись в Ливан, он посчитал своим долгом создать книгу о своем друге, рассказать правду об их великом соотечественнике, о котором на родине сложилась легенда, совершенно искажающая действительный облик Джубрана.

Нуайме поставил себе целью рассказать о малоизвестных сторонах жизни Джубрана, оказавших все же значительное влияние на его творчество. «Он решил дать не «историю» Джубрана, не его настоящую биографию, - пишет И.Ю. Крачковский, - а только картину его жизни. Если бы можно было воспользоваться сравнением, то в качестве параллели здесь невольно вспоминаются книги Пурталеса о Шопене или, особенно, Верфеля о Верди»⁶.

Нуайме стремится создать динамичный образ Джубрана, показать формирование его характера, Джубран предстает перед нами в реальной жизненной обстановке. Мы видим его в горе и в радости, в часы отчаяния и в минуты счастья. С особым увлечением рассказывает Нуайме о Джубране - руководителе и вдохновителе «Ассоциации пера».

---

⁶ Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М., - Л., 1956 г., том-3, - с.349.

Дата рождения Джубрана, место, где он родился, имена его отца, матери братьев и сестер, семья в которой он рос и воспитывался, - все эти факторы документальные. В сочетании же с художественным вымыслом книга Нуайме воссоздает ту атмосферу, в которой прошли детские годы Джубрана. Эмиграция Джубрана и его семьи в Америку, их жизнь в Бостоне, смерть его брата, сестры, родителей, встреча Джубрана с Мэри Хаскел и его отношения с ней - опять лишь факты его биографии. Но описание атмосферы жизни в эмиграции, тонкостей взаимоотношений Джубрана с его домочадцами, его любовь к Мэри, воспроизведение его раздумий по многим жизненным проблемам - это уже искусство большого писателя.

Книга состоит из 4 - х частей: «Сумерки» («аш-Шафак»), «Тьма» («аль-Гасак»), «Рассвет» («аль-Фаджр»), и «Приложение» («аль-Мулхак»), в каждой несколько глав.

...Нуайме вызвали в больницу к тяжело больному Джубрану. Он сидит у постели друга, и перед его мысленным взором, как на киноэкране, проходит вся жизнь Джубрана. Первая часть книги посвящена раннему периоду жизни и творчества писателя.

Далее Нуайме переносит действие в Париж, где Джубран изучает живопись. Нуайме “открывает” малоизвестные факты жизни Джубрана, рассказывает о его отношении с Мэри Хаскет, благодаря помощи которой он получил возможность заниматься живописью. В первой части книги Джубран предстает перед нами больше как художник, чем писатель.

Вторая часть труда Нуайме повествует о Джубране - писателе. В данном качестве он особенно близок автору, поэтому написан этот раздел книги более уверенно.

Нуайме рассказывает об их совместной работе в «Ассоциации пера», воссоздает историю создания каждого произведения Джубрана, как воспринимались они читателями в эмиграции и на родине писателя.

Анализируя произведения Джубрана, Нуайме иллюстрирует свои высказывания множеством примеров из них, что придает его повествованию живость и увлекательность.

Ведя рассказ о друге, Нуайме вынужден много говорить и о себе - так тесно была переплетена их жизнь. Он упоминает о своих статьях и рецензиях, посвященных работам Джубрана. Разби-

рая какое-либо из произведений, Нуайме, верный своим эстетическим воззрениям на первый план выдвигает его идею, а затем показывает, как она художественно воплощена.

Особенно интересна глава о возникновении и деятельности «Ассоциации пера». Отдавая должное председателю «Ассоциации» Джубрану, Нуайме многое сообщает и об остальных деятелях «Ассоциации».

Третья часть книги - это рассказ о нежной любви Джубрана к родному Ливану. Его тяготит жизнь в эмиграции, в шумном Нью-Йорке. Он мечтает о тишине и покое. Об этом сам Джубран рассказал в своей книге «Пророк», анализу которой посвящена специальная глава. Помимо чисто литературоведческого анализа Нуайме подробно описывает иллюстрации к «Пророку», выполненные лично Джубраном.

Четвертая часть книги - завещание писателя о том, чтобы доходы от всех изданий книг получал его родной город Бшарра. Завещание это разыскал сам Нуайме.

В книге помещен арабский перевод элегии, которую написали и прочли американские друзья Джубрана на собрании, посвященном памяти писателя. Нуайме приводит и текст своей речи на памятном вечере, организованном арабскими эмигрантами в Бруклине.

По мнению И.Ю.Крачковского книга М.Нуайме о жизни и деятельности Джубрана «заслуживает и специальной монографии и перевода на европейский язык. Конечно, нельзя отрицать, что по своему изяществу и тонкости эта книга для немногих, но она дает очень много, а главное - лучше всяких отвлеченных рассуждений говорит о развитии и будущем современной арабской литературы. В истории этой литературы и герой книги и ее автор забыты не будут»⁷.

Вскоре после выхода работы Нуайме в свет некоторые критики выступили с нападками на нее. Особенно бурную полемику вызывала статья Амина ар-Рейхани, критика и глубокого знатока литературы, опубликованная в 1934 г. в бейрутской газете «аль-

---

⁷ Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М., – Л., 1956 г., том -3, – с.351.

Билад» («Страна»). Ар-Рейхани перечисляет неоспоримые достоинства книги, особенно восхищаясь главами «Мустафа» и «Опьянение», которые называет блестящими эталонами для всей современной арабской литературы. Композиция произведения, его художественные качества вполне удовлетворяют критика. В тоже время его возмущает подробное описание личной жизни Джубрана. «Ты показал то личное, что не должно было стать достоянием широкого круга людей»- упрекает автора ар-Рейхани.

По его мнению, Нуайме следовало обратить все внимание на то прекрасное и высокое, чем отличалась жизнь Джубрана, на его незримую борьбу с самим собой, на стремление к совершенствованию - именно это наиболее полно отразилось в его картинах и литературных произведениях.

В ответе на статью ар-Рейхани М.Нуайме писал: «Моя цель-осветить короткий жизненный путь Джубрана. Я останавливаюсь на некоторых его ошибках только для того, чтобы показать какой упорной была его борьба с невзгодами и какой прекрасной - вера в добро. Я раскрыл некоторые его слабости, не утаил жажды славы и величия только для того, чтобы читатель понял его характер во всей его полноте, во всем своеобразии. Я написал эту книгу последовательно, всесторонне, с симпатией и любовью, и не рука недруга водила моим пером»⁸.

Положительно отозвались о книге Р.Айюб и А.М.Хаддад. Она четыре раза переиздавалась в Бейруте, а в 1958 г. вышла в Каире.

После издания книги в Нью-Йорке (перевод сделал сам автор) в американской печати появилось множество статей, посвященных ей, в том числе статья Мэри Хаскел. «Нуайме - поэт, писатель, мыслитель и близкий друг Джубрана. Он раскрывает его частную жизнь, неизвестную ни американцам, ни сирийцам...» Нуайме рассказывает о мечтах и печалях Джубрана, показывает его силу и слабости, его упорную борьбу со своим «Я», писала она.

Сборник статей «Дороги» (1954г.) В статье «Сущность литературы и ее задачи» Нуайме пишет: «Задачи литературы - способствовать установлению справедливого отношения правителя к подданным, хозяина - к слугам, владельца - к неимущим, угнета-

---

⁸ А. Имангулиева Ассоциация пера и М. Нуайме. – М., 1975, –С.91.

телей - к угнетенным». Справедливость не может быть по его мнению, достигнута простой заменой «одного закона другим». Воспитать человека так, чтобы в его мыслях, совести и желаниях не осталось места для тирании, гнева, жестокости и деспотизма - задача литературы.

Вопросы для контрольной работы:

1. М.Нуайме - литературный критик.
2. Проблематика сборника статей «Решето» (1923)
3. Жанр литературного портрета в творчестве М.Нуайме («Джубран Халил Джубран. Его жизнь, смерть, литературное и художественное творчество»).

Темы для самостоятельной работы:

1. Проблематика сборника статей «Решето» 1923.
2. Жанр литературного портрета в творчестве М. Нуайме.

1.2. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД В АРАБСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ. ТАХА ХУСЕЙН

Цель учебного занятия: Ознакомить с факторами, повлиявшими на становление Таха Хусейна – литературоведа, книга Таха Хусейна «О доисламской поэзии», Таха Хусейн и И.Ю. Крачковский.

Опорные слова: Античная культура, французская культура, сравнительное литературоведение, Таха Хусейн и Коран, традиционное арабское литературоведение, Аристотель («Поэтика»)

Таха Хусейн - признанный представитель и теоретик школы «египетских модернистов». Его перу принадлежит множество книг, они известны не только в арабских странах, но и за ее пределами. Они переведены на русский, немецкий, английский и французский языки.

Параллельно с литературным творчеством Таха Хусейн много работал в области критики, истории литературы и культуры. Из его литературоведческих работ наибольший интерес представляет цикл лекций по средневековой и современной арабской

литературе «Беседы по средам» (т.т.1-3, 1925-1953 гг.), а также эссе «Абуль Аля в заточении» (1939 г), посвященное его любимому поэту и философу. Из многочисленных произведений Т. Хусейна по истории ислама, к которой он особенно часто обращался в поздний период, заслуживает внимания книга «На полях жития» (т.т.-1-3), представляющая собой собрание беллетристических сцен из жизни пророка Мухаммада.

Взгляды Таха Хусейна как историка и теоретика литературы не были оригинальными. Он целиком воспринял их у западных ориенталистов. Его заслуга в том, что он первый среди арабских литературоведов отказался от приемов и методов схоластического арабского литературоведения.

Если весь XIX век прошел под флагом освоения мирового художественного опыта, то первые два десятилетия XX века под лозунгом египтизации современной литературы.

Именно с этой точки зрения весьма интересно проследить становление мировоззрения Таха Хусейна в данный период. На Таха Хусейна оказали решающее влияние три фактора общественного сознания египетского общества. Первый девиз: «Египет для египтян» подразумевавший египтизацию всех сфер общественной и политической жизни Египта.

Под влиянием освоения европейской общественной мысли определенный слой египетской интеллигенции, воспитанный на передовых идеях европейской мысли, выдвигает идею самобытного культурного своеобразия своего этноса, отличающегося от этноса народов других арабских стран и древних египтян.

В то же время они исторически унаследовали от своих предков эпохи фараонов многие черты, которые до сих пор продолжают черпать «от земли Египта и ее неба, от Нила и его пустыни».

Этот фактор «национального своеобразия» египтян прослеживается, по мнению Таха Хусейна, в египетском фольклоре, которому присущ египетский колорит.

Таха Хусейн считает, что на протяжении многих веков египетская мысль постоянно находилась во взаимодействии с «греческим интеллектом», и это нашло отражение во всех сферах общественной жизни.

Археологические находки памятников культуры, лекции Ахмеда Кемала о древней египетской цивилизации, где он находит родственные связи между древним Египтом и «семитскими» языками, в частности, арабским, еще больше утверждают в Таха Хусейне убеждения о культурном своеобразии египетского этноса.

Наряду с идеей автохтонной культуры, отличной от культуры народов арабского востока, Т. Хусейн и его современники выдвигают арабский фактор, якобы исходящий из «языка, религии и цивилизации» и составляющий один из элементов египетской личности. Основу этого фактора составляет арабский язык, - пишет Т.Хусейн, - ибо «арабский язык для нас не иностранный язык, а наш родной язык, и он в тысячу и один раз ближе, чем древнеегипетский. Это относится как к религии, так и к литературе».

В подтверждении этого Т.Хусейн и его современники ссылаются на современную египетскую культуру, наследницу арабомусульманской цивилизации. Этот фактор восходит, по их мнению, к Корану, «1001 ночи», которые являются неистощимым источником дальнейшего развития литературного процесса на арабском Востоке, в частности, в Египте.

Третьим фактором в становлении интеллектуального сознания Т.Хусейна и его современников является освоение мировой культуры. Тенденция освоения и адаптации культурного наследия других народов была особенно ярко выражена у группы интеллигенции, объединившейся вокруг печатного органа «аль-Джарида» и сыгравшей огромную роль в становлении новой арабской литературы. Идея синтеза европейской и египетской культур занимала умы многих деятелей искусства и литературы Египта.

Таха Хусейн и его сторонники с огромным увлечением следили за переводами с французского Фатхи Заглула, с английского ас-Сибайи, знакомились со статьями Джирджи Зейдана в «аль-Хилал» и его книгами по истории литературы и истории, читали статьи Якуба Сарруфа в «аль-Муктатаф», Шибли Шумайила, Фараха Антуна, Рашида Рида в «аль-Манар», Касима Амина, Мухаммада Абдо. Ахмад Лутфи ас-Сайид своими статьями о выдающихся деятелях европейской культуры вызвал огромный интерес к идеям Вольтера, Руссо и Монтескье. На Таха Хусейна решающее влияние оказал известный французский востоковед Луи Массиньон. Под его научным руководством Таха Хусейном

написана докторская диссертация, посвященная философии Ибн Халдуна, где явно прослеживается усвоение им европейских принципов литературоведения. Таха Хусейн постоянно контактировал с такими французскими деятелями литературы, как Жан Поль Сарт, Поль Валери. Он глубоко изучает творения выдающихся деятелей культуры и искусства Франции различных эпох, о чем свидетельствуют его многочисленные выступления в печати, где он пытается проследить историю развития французской литературы. Будучи деканом филологического факультета Таха Хусейн ввел в программу курс лекций о новых методах литературного исследования, по опыту Сорбонского университета.

Таким образом, весь XIX век и первые два десятилетия XX века подготавливали почву для формирования принципов новейшей египетской литературы. В этот период литературная критика опирается на принципы, выработанные европейской эстетической мыслью. Она стремится к проблемно-теоретическому осмыслению литературного процесса, к постижению закономерностей развития современных культур, в том числе и в ее связях с древним наследием и мировым художественным опытом.

Литературная история каждой страны в каждый момент своего развития не может быть представлена полно и точно, если она не рассматривается как часть какого-то большого целого. Каждая национальная литература имеет свои традиции, эти традиции позволяют ей сохранять свой индивидуальный облик. Но каждая литература встречается с новыми идеями, влияниями в искусстве. Изучение этих явлений постоянного обновления и взаимовлияния столь же необходимо, сколько и сохранение национальных традиций.

Традиционное арабское литературоведение, изучая какое-либо художественное произведение, в основном акцентировало внимание на изложении биографии и указании особенностей характера поэта или писателя. Чаще всего за пределами исследования оставались именно общественные и социальные факторы, которые влияли на формирование личности писателя, выработку его мировоззрения. Общественная среда, которая оказывает решающее влияние на идейно-эстетическое формирование писателя, особенности политической и экономической жизни эпохи зачастую оставалась вне объекта арабских исследований. Они огра-

ничивались анализом формальных изысканий, комментарием текстов, толкованием устаревших, архаичных слов. Содержание произведения, его связь с действительностью, которая вызвала создание книги, оказывались несущественными для литературы.

Будучи частью социальной практики, критика связана с задачами формирования нового общественного сознания. Наглядно это проявилось в литературной дискуссии между Мустафой Садиком ар-Рафии и Таха Хусейном. Началом данной дискуссии послужило издание Мустафой ар-Рафии 2х томной «Истории арабской литературы» как учебного пособия для студентов филологического факультета Каирского университета. Этот 2х томник явился причиной разгоревшейся полемики между консерваторами и новаторами.

Таха Хусейн подверг резкой критике учебник ар-Рафии за то, что в нем не «используются принципы, выработанные европейской эстетической мыслью, принципы сравнительного литературоведения».

Формирование нового общественного сознания, стремление к созданию самобытной египетской литературы, осмыслению национальной культуры захватывают гораздо более широкий круг литераторов, чем в XIX веке и носят качественный характер, ибо темы, не выходявшие ранее за пределы салонных и кружковых споров, стали теперь достоянием публичных лекций и журнальных дискуссий.

В дискуссии вовлекалась уже вся читающая часть египетского общества. Основные политические и идеологические разногласия, как правило, проступали именно в журнальных статьях об искусстве и литературе.

Все свои доводы в пользу освоения мирового художественного опыта и его применения при изучении истории арабской литературы и творчества ее выдающихся представителей Таха Хусейн обобщил в специальном трактате о великом поэте и мыслителе средневековья Абуль Аля аль-Ма'ари «В память об Абуль Аля». В этом трактате он впервые выдвигает эстетические концепции сравнительного литературоведения, применив исторический метод исследования. Таха Хусейн подчеркивает, что всестороннее изучение творчества поэта «требует исследования всех

литературных явлений его времени, языка, философии, религии, истории, географии, индивидуальной и общественной психологии той эпохи. Творчество Абуль Аля - продукт своего века, в формировании которого участвовали политические, социальные и экономические факторы, не говоря уже о религии».

В 1926 г, продолжая изыскания в области сравнительно-исторического метода, Таха Хусейн издает книгу «О доисламской поэзии». И.Ю. Крачковский следующим образом характеризует эту работу: «Две книги на протяжении последних тридцати лет вызвали целую бурю в арабской литературе и общественности. Одна была написана юристом Касимом Амином (1865-1908) и посвящена женскому вопросу на современном мусульманском Востоке, вторая выпущена профессором Египетского университета Таха Хусейном и трактовала о доисламской поэзии.

В первом случае интерес был понятен: в основе выступления К.Амина лежал один из больших вопросов мусульманского мира, выдвинутый автором с большой резкостью и прямоотой. Живая полемика со всеми эксцессами затронула, конечно, не только существо вопроса, но и личность автора, которому пришлось пережить немало тягостных моментов и на себе испытать весь нетерпимый фанатизм инакомыслящих, полагающих, что единственно они обладают всей полнотой истины.

Во втором случае дело было значительно сложнее. Эффект оказался значительно сильнее произведенного книгой Касима Амина. Объяснение приходится искать в тех побочных обстоятельствах, которые были связаны не только с темой, но и с самим автором, и в тех выводах, которые вытекали из его исследования. Направленное по существу на критику древнелитературных произведений и условий их передачи, оно невольно должно было коснуться и основного религиозного памятника - Корана, с таким подходом к нему, который не может еще принять традиционная мусульманская среда⁹.

Книга была одним из первых изданий реформированного в 1925г. и признанного государственным учреждением университета, так что, естественно, могла считаться выражением его идей: сам автор был одним из первых питомцев этого нового университета.

---

⁹ Хусейн Таха. Мустакбал ас-сахафа аль-мисрийа. –Каир, 1936, –С.82.

Используя сравнительно-исторический метод исследования, Т. Хусейн невольно затронул Коран, что, естественно, вызвало бурю негодования клерикальной части египетского общества, цитаделью которого было в этот период непререкаемое мнение представителей аль-Азхара.

Были и сторонники Таха Хусейна. Среди них - ректор университета Лутфи ас-Сайид, представители интеллигенции, сплотившейся вокруг газеты «ас-Сийаса».

Однако, такой бурной реакции со стороны клерикалов Т. Хусейн не ожидал. Вафдистский парламент во главе с Саадом Заглулем выступил с резкой критикой книги. Борьба «новых и традиционных идей» переросла в политический акт, ибо она рассматривалась прокурорским надзором, раздавались возгласы с требованием удалить Т. Хусейна из университета¹⁰.

И.Ю. Крачковский в своей работе «Таха Хусейн о доисламской поэзии арабов и его критики» представляет шесть основных «опровержений» этой книги: «Если бы книга Таха Хусейна о доисламской поэзии появилась на одном из европейских языков, едва ли она вызвала бы особое внимание. Она оказалась бы включенной в серию многочисленных научно-популярных трудов, которые ставят своей целью изложить теории о подлинности произведений доисламской поэзии»¹¹.

Едва ли в настоящее время кто-нибудь из ученых сомневается в том, что часть произведений так называемой доисламской поэзии подложна. Между тем именно к такому выводу приходит автор в своем увлечении критическими методами и европейскими теориями, которые открыли ему мир» - отмечает Крачковский. Тогда что же вызвало такую бурю негодования? Если деятельность просветителей XIX в. не коснулась непосредственно основных устоев традиционных понятий, то данная книга поставила под сомнение подлинность части доисламской поэзии и непререкаемость Библии и Корана.

Таха Хусейн был вынужден изъять из продажи эту книгу и, опустив наиболее ожесточившие клерикальные круги места, пе-

---

¹⁰ Крачковский И.Ю. Изб. Соч. том 3, –М., –Л., 1956, –С.195.

¹¹ Крачковский И.Ю. том3, –С.196.

реиздать ее под названием «О доисламской литературе». Вот один из тех моментов, который был опущен при втором издании: «Библия нам сообщает об Аврааме и Исмаиле, Коран тоже рассказывает о них. Однако приведение этих двух имен в Библии и Коране недостаточно нам для подтверждения их исторического существования, не говоря уже об измышлении, в котором рассказывается нам о переселении Исмаила бен Авраама в Мекку и возникновение в ней ассимилированных арабов»¹².

Книга Таха Хусейна «О доисламской поэзии» является высшей кульминацией литературного анализа в египетской общественной жизни 20-х годов XX века, концентрированным итогом эпохи просветительства, которое имело долгую историю в новой арабской литературе.

Увлечение философской и эстетической мыслью представителей мировой культуры, глубокое изучение ее различных сторон, возможностей адаптации их идей на арабской почве оставляли мало времени для художественного творчества. Однако это не помешало Таха Хусейну стать основоположником реалистической повести, реалистического романа на египетской почве.

Вопросы для контрольной работы:

1. Таха Хусейн - литературовед - западник.
2. Принципы сравнительного литературоведения («В память о Абуль Аля»)
3. Французская культура в восприятии Таха Хусейна.
4. «О доисламской поэзии». Оппозиция со стороны традиционных мусульманских ученых.

Темы для самостоятельной работы:

1. Французская культура в восприятии Таха Хусейна
2. Принципы сравнительного литературоведения (« В память об Абуль-Аля»)

---

¹² Касымходжаев А.С. – с.67.

1.3. ПСИХОБИОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ. МАХМУД АББАС АЛЬ-АККАД

Цель учебного занятия: Ознакомить с содержанием «Диванов о критике и литературе» аль-Аккада. Рассказать о споре по вопросам свободы творчества и прекрасного в искусстве между Таха Хусейном и аль-Аккадом.

Опорные слова: *Субъектизм, психоанализ, биографический метод, индетерминизм.*

Проповедником романтической, идеалистической эстетики в литературе и литературоведении был известный египетский поэт Аббас Махмуд аль-Аккад (1889-1964). Он приверженец «альгавания»- философии внутреннего созерцания, являющейся разновидностью интуитивизма и противопоставляющий свое философское учение материалистической теории познания.

Многие арабские исследователи уподобляют его личность Томасу Карлейлю (1795-1881)- он развил концепцию героев аристократов духа, якобы веращих судьбы истории и культуры. Его теория поэта как пророка, ведет к теории элиты. С самого начала в его творчестве ощущается влияние немецкой идеалистической философии

В 1921 г. выходит два тома из девяти задуманных аль-Аккадом и его коллегой Ибрахимом аль-Мазини «Диванов о критике и литературе», которые были созданы ими для выражения своих литературных принципов в искусстве и литературе.

Деятельность аль-Аккада яркое свидетельство дальнейшей дифференциации египетского общества, которую можно проследить сравнивая его позицию с позицией Саламы Мусы и Таха Хусейна.

Революционный подъем выдвигает два крайних типа представителей интеллигенции: «первый тип, - пишет В.Воровский,- тип глубоко общественный – апеллирует от мертвящей обстановки своей родной группы...» обществу высшего порядка, опирающемуся на сознательную творческую деятельность. Второй тип резко индивидуалистический, больно чувствующий свою отверженность от общества и за это презирающий и ненавидящий его,

как своего рода тюрьму, ставящий своим идеалом не общее благо, а лишь свободу и простор для деятельности личности, - прежде всего, конечно, для своей личности. (Воровский В. Литературная критика. –М., 1971, –С.160).

Если первому типу полностью соответствует Таха Хусейн с его просветительскими устремлениями, и частично Салама Муса, то второму- аль-Аккад. Это тип анархических бунтарей, которому свойственны быстрые и резкие переходы от анархического бунтарства, почти революционного к самой черной реакции, что подтверждается общественной и творческой судьбой аль-Аккада.

Один из последователей аль-Аккада Мухаммад Халифа ат-Туниси собрал все критические работы А.М.аль-Аккада в сборник «Разделы из критики у аль-Аккада» («Фусул мин ан-накд инд аль-Аккад»). Каир). В предисловии к сборнику от-Туниси, утверждая превосходство литературно-критического метода аль-Аккада, затронул и методы тех, кто противопоставил ему свои взгляды и вступил с ним в идейно-эстетические дискуссии, - Таха Хусейна, Ахмеда Амина, ар-Рафии и др.

Ат.Туниси пытается прежде всего определить свойства методологии аль-Аккада, отличающие ее от все предшествующих методов изучения и исследования художественного произведения.

Ат.Туниси пишет: «Аль-Аккад обращает внимание на поэтическое произведение, чтобы познать поэта, в то время как доктор Таха Хусейн говорит о самой поэзии, не обращая внимания, на поэта.

Аббас Махмуд аль-Аккад считал поэзию зеркальным отражением личных чувств и настроений поэта, полностью изолированной от жизни.

Он выдвигал принципы абсолютного господства художника над жизненным материалом. Ничем не ограниченный субъективизм становится важнейшим принципом его эстетических взглядов. Если просветители выступают под знаменем «царства разума», то он проповедует культ бессознательного, иррационального. С пьедестала «божественной гениальности» он смотрит на людей сверху вниз, объявляет их плоскими и ограниченными, поскольку они не отмечены печатью гения.

В исследовательских работах («Ибн Руми- его жизнь из его поэзии», «Гениальность творца», «Гениальность Омара», «Гени-

альность Мухаммада», «Шейх Мухаммад Абдо») аль-Аккад не приступает к анализу творчества того или иного деятеля без предварительного психоаналитического рассмотрения личных качеств. Он считает, что творчество – есть отражение интимно-психологического мира поэта и изолирует его от влияния окружающей действительности.

Таким образом, аль-Аккад выступает с позиции психоанализа, выбрасывая за борт литературной критики весь груз, накопленный классиками арабской литературы.

А.М.аль-Аккад направляет острие своей критики на одного из видных неоклассиков Ахмада Шауки. Исследовательские труды аль-Аккада весьма похожи на «жития святых», которые преследовали цель идеализации сильной личности и являлись условными биографиями служителей всевышнего. В этом отношении аль-Аккад «превзошел» авторов «Житий святых», очистив этот литературный жанр от социальных и художественных идей века.

Аль-Аккад пытается доказать, что те или иные прогрессивные явления в общественной жизни происходят не под влиянием диалектического развития общества, следствием которого являются новые идеи и их практическое осуществление массами, а за счет действий гениальных личностей.

По аль-Аккаду, личная жизнь писателя или поэта находится вне влияния общественной науки, витает в безвременности. Как индетерминизм, утверждающий полную независимость личности, так и волюнтаризм, гласящий, что все в жизни людей есть результат только их воли, ведут к субъективизму, отрицанию причинности в природе и в обществе.

Сопоставляя методы аль-Аккада и Таха Хусейна, ат-Туниси договаривается до того, что отказывает Таха Хусейну, Мухаммаду Хайкалю, Ахмеду Амину в твердо установленных принципах художественного исследования. По мнению ат-Туниси, аль-Аккад вырабатывает «поэтико-психологическую» систему исследования творчества писателя. Однако, введение психологии в литературное исследование находит справедливое возражение у Таха Хусейна. Мухаммад Мандур отмечает, что Т.Хусейн написал статью, где отрицает введение принципов психологии, в частности, психоанализа Фрейда и его школы в литературные исследования.

Это произошло вслед за появлением двух книг аль-Аккада об Абу Нувасе, где применяется этот метод психоанализа. В попытках обновить биографическое направление в изучении творчества Абу Нуваса, аль-Аккад приходит к созданию вымышленной «беллетризованной» биографии этого выдающегося поэта.

Субъективизм аль-Аккад переносит в область эстетических воззрений: литератор, личность которого невозможно узнать посредством его творчества, не заслуживает быть объектом исследования.

В книге «Квинтэссенция идей» (1912) аль-Аккад пишет: «Смотри на то, кто сказал, а не на то, что сказано... Я не могу понять правильно изречение, если я не знаю его автора и не знаком с его биографией подробно...».¹³

По вопросу свободы творчества и прекрасного в искусстве между Таха Хусейном и аль-Аккадом возникла дискуссия. Таха Хусейн в статье «Свобода и искусство», анализируя Шарля Бодлера (французский символист), в частности, его сборник стихов «Цветы зла», пишет, что в этом сборнике выражена с удивительной красотой ужасающая мерзость капиталистического мира, которую Бодлер принимает как должное и не подвергает критике. В принципе вопрос, широко обсуждавшийся среди египетской интеллигенции, состоял из двух составных частей: как согласовать проблему эстетизации зла, непосредственно связанную с так называемой абсолютной свободой, с моралью, политикой, религией и разве красота, зла пригодна, быть объектом искусства и литературы.

Как известно, в кружке Шарля Бодлера созрела несколько иная оценка современной жизни. Осуждение, адресованное социальной среде, в которой жил художник, теперь он относит к своей собственной неполноценности. Он осуждает свою традиционную позицию подвергать критике все безобразное в жизни по причине неспособности найти эстетическое оправдание уродству жизни.

Представители кружка Бодлера считали, что если невозможно изменить мир, то необходимо изменить саму систему видения мира. И вот художники нового типа, наиболее ярким представителем, которых выступил А.М. аль-Аккад, пытаются оправдать

---

¹³ ¹³ Касымходжаев А.С. – с.69.

современные им формы жизни, которые были отвергнуты неоклассиками, (Ахмад Шауки, Хафиз Ибрахим, аль-Баруди).

Если Таха Хусейн как хранитель лучших традиций своих предшественников ставит под сомнение полезность эстетизации зла, то Аккад находит в этом почву для своих новых художественных принципов.

Аль-Аккад утверждает, что предметом рассмотрения искусства может быть любое явление, встречаемое в природе и общественной жизни, прекрасное оно или отвратительное, несет в себе зло или добро. Само понятие уродливого или прекрасного, согласно его мнению, должно быть пересмотрено. Он считает, что все прекрасно исполненное, является искусством.

«Общий призыв сегодняшнего искусства – все, что прекрасно выполнено, является объектом, пригодным для пера, кисти, музыкального инструмента – пишет аль-Аккад. На этой основе художник представляет нам прекрасное, когда изображает мертвое тело в прекрасно выполненной или описанной касыде. Образ становится чем-то добрым, когда проявляется мастерство в изображении коварства и низости, преступления и постыдных пороков тех людей, которые их совершают»¹⁴.

Таким образом, аль-Аккад исключает воспитательную роль искусства, его социальную значимость, как форму общественного сознания.

Почти по всех школах и течениях арабского литературоведения наличествует эклектизм, смешение различных философских идей и взглядов. Идеологи современного ислама по своему «модернизировали» и приспособили к мусульманству учения западных философов. Субъективный идеализм мировоззрения некоторых арабских ученых-филологов переплетается с объективным идеализмом.

Большое распространение в арабских странах получила философия Платона, аль-Газали, суфистов. И не случайно аль-Аккад находился под большим влиянием аль-Газали (11-12 вв.), отрицавшего существование объективной закономерности.

По пути обновления своей религиозной философии идеями рационализма вслед за мусульманскими реформаторами Джамаль-ад-Дином аль-Афгани, Мухаммедом Абдо и др. шли и последователи аль-Газали. По их мнению, бог – первопричина бы-

---

¹⁴ Касымходжаев А. Борьба идей в литературной жизни Египта. –Т., 1983, – с.78.

тия. Окружающий мир – реальность. Однако, эта реальность подчинена указанной богом системе мироздания. Признается взаимосвязь явлений и их причинность движения и развития. Однако все это восходит к богу, правда не прямо и непосредственно, а через волю человека. Человеку, наделенному свободой и волей, таким образом, уже не угрожает фатальная неизбежность.

Данная концепция как наиболее тонкая форма объективного идеализма, соединенная с эстетическими взглядами аль-Газали, согласно которым нравственное удовлетворение возможно лишь в потустороннем мире, а также с суфизмом, предписывающим аскетизм – самая распространенная в странах Арабского Востока. Аль-Аккад называет аль-Газали и его философию образцом всей арабской философии.

Суть «философии сущности» Аккада заключается в сочетании веры и знания, науки и религии. Аль-Аккад вслед за суфиями считает, что разум не может познать сущность бога, аллах не существует как какое-то целое, видимое существо, однако аллах и его существование реально. Именно поэтому аль-Аккад вслед за аль-Газали ставит науку рядом с религией и пытается придать своей философии форму дуалистической концепции. С этой целью он апеллирует к учениям Аристотеля, Канта, Декарта.

Интересны работы аль-Аккада в области философии (он автор около 80 историко-религиозных сочинений). Среди них значительное место занимают сочинения, которые в арабской историографии известны под названием «абкарияты» («Саид Заглул», «Мухаммад Абдо»), и весьма сходны с европейскими «житиями святых». Для истории культуры существенно изучение этого литературного жанра, освещающего эпоху и жизнь замечательных личностей мусульманской и мировой мысли.

В большинстве своих сочинений аль-Аккад излагает свою точку зрения на основной вопрос философии - отношение бытия к сознанию.

Его позиция - глубокая вера во всемогущего творца. Основные компоненты его веры – вера в наследственность, интуитивное познание и сознание. Интуитивное познание, по его мнению, зиждется на сочетании искусства и литературы, религиозности.

Искусство и литература приходят к осознанию и ощущению того, что лежит по ту сторону видимости, бытия, т.е. бога.

Относительно веры в познание аль-Аккад приходит к выводу, что объяснение мироздания по воле Аллаха яснее, чем любое объяснение, выдвинутое материальной школой, например, утверждение, что материя предшествует сознанию («камень творит жилие, жилие творит жителя в нем»). По аль-Аккаду разумнее сказать, что разум и материя сосуществуют, первый из них предшествует второму, а именно – разуму, потому что материя не способна создать то, что благороднее ее самой, и то, что исчезает, не воспринимается им.

В предисловии к “Квинтэссенции идей” аль-Аккад пишет: «Первое: все проявления этого бытия, как всевышнего, так и мирского, как видимого, так и невидимого, есть результат взаимодействия различных сил, а также деяния человеческого общества. Второе: наслаждения и страдания или проще выгода и необходимость – это два столпа, на которых зиждется вся человеческая нравственность. Третье: человек относится к животному миру, но это высокоразвитое животное»¹⁵.

Психобиографический метод аль-Аккада используют при изучении наследия исламской мысли, деятельности выдающихся халифов, ученых. Оппонентом и в этой сфере исследования выступает Таха Хусейн. Психобиографическому методу аль-Аккада он противопоставляет историко-литературную концепцию исследования. Так, Таха Хусейн указывал, что «исследователь истории литературы должен не только глубоко усвоить тонкости языка и литературы, но и постичь философию, религию, детально изучить историю и становление страны, изучить психологию индивидов и групп. Он должен знать современную литературу Европы, методы его научного анализа и все, что написано европейскими учеными на различных языках об арабах, их литературе, философии, культуре и религии»¹⁶.

Многие писатели и ученые арабских стран в силу причин, из которых не последняя та, что они чаще всего получают образование в Европе (Мухаммад Хайкаль, Таха Хусейн, Тауфик аль-Хаким и др.), проходят своего рода «искус»: противостоять или

---

¹⁵ Касымходжаев А. –С.84.

¹⁶ Там же.

уступить соблазнам модернистского эксперимента. Некоторые из них, следуя соответствующим западно-европейским образцам, уходят в «чистое» экспериментаторство (А.М.аль-Аккад, А.Шукри, И.аль-Мазини), другие используют опыт зарубежных писателей, переломив их в свете задач национальной литературы (братья Теймуры, Таха Хусейн, Тауфик аль-Хахим).

Увлечение арабского писателя западными образцами диктовалось стремлением выйти из национальных рамок, показать, что литература страны, которую он представляет, может говорить на языке образов и понятий со всемирно признанными литературами.

Но по мере того, как национальные литературы все увереннее осваивали жанровые, стилистические и другие достижения мировой литературы, у них все настойчивее ощущалась потребность сказать свое слово в искусстве, а не повторять заимствованное. От подражания писатели идут к утверждению самоценности традиционного художественного мышления, способного одухотворить, придать новизну и притягательность уже сложившимся литературным формам. Европейски образованный слой интеллигенции в арабских странах стал провозвестником многих литературных направлений.

Вопросы для контрольной работы:

1. А.М. аль-Аккад - представитель психобиографического направления в литературоведении.
2. А.М. аль-Аккад и философия аль-Газали (XII в.)

Темы для самостоятельной работы:

1. *Роль психоанализа в научной деятельности аль-Аккада*
2. *Аль-Аккад и философия аль-Газали (XII век)*

1.4. СОЦИАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ. САЛАМА МУСА

Цель учебного занятия: Ознакомить с эстетическими взглядами Саламы Муссы, Салама Муса и русская литература.

Опорные слова: *Социализм, теория Дарвина, чистое искусство, писатели – демократы, гуманизм, русская литература.*

Одной из особенностей литератур Востока было то, что отдельные писатели шли не вслед за общим движением реалистической литературы передовых стран Европы, а в какой-то мере приближались к ее уровню. Появление таких писателей связано с тем, что в странах Востока складывался слой интеллигенции, знакомый с наукой, литературой, общественной жизнью передовых стран Европы. Их мировоззрение освобождалось от традиционного видения мира. Они являлись провозвестниками многих литературных направлений, а сами направления оформились и приобрели общественную значимость позднее.

Личность С. Мусы и роль, которую он сыграл в развитии литературы, оформившейся после второй мировой войны, является ярким тому примером. В своей знаменитой книге «Формирование Саламы Мусы» он вспоминает, что его мировоззрение начинало складываться под влиянием английской культуры того периода, когда эволюционная теория Дарвина, социалистические идеи вызывали большой интерес среди английской интеллигенции.

По возвращении из Англии (1913) С. Муса напечатал книгу «Социализм», где подчеркнул, что справедливое общество не может быть построено без завоевания полной независимости. Он отрицал революционный путь борьбы, выступая за эволюционный путь перехода к социализму (Ал-Иштирокия ат-Тадрижийя).

Вот что пишет литературовед Юсуф Ахмад Хамуду в предисловии к книге С. Мусы «Литература и жизнь»: «Прессе было запрещено печатать его статьи, останавливалось издание его книг. Эти книги официальные власти считали «проводниками коммунистических идей». Салама Муса во все периоды истории Египта верил в его будущее. Он писал обо всем, что интересует человека: об эволюционной теории Дарвина, любви, революциях, арабской

литературе, современной английской литературе, о приоритете науки, европейском Ренессансе, современной русской прозе, индийском национально-освободительном движении, свободе разума, проблемах нравственности молодежи, о борьбе с расизмом. Его призыв сводится к следующему: «Революция... Индустрия...Социализм»¹⁷.

С.Муса характеризовал свои философские взгляды как синтез марксизма с эволюционной теорией Дарвина, дополненной эмоциональным восприятием окружающего мира, сознанием того, что люди и все прочие существа, включая и растения, составляют единую семью. Однако, С. Муса не был последовательным материалистом - он допускал и даже считал необходимым сочетание науки с некоторой дозой религиозности, отождествляемой им с любовью к природе, животным, к человеку, жизни и к бытию вообще.

Горячий противник всякой эксплуатации С. Муса явился одним из последовательных пропагандистов социалистических идей.

На эстетические взгляды С. Мусы оказали влияние Б. Шоу и Л.Толстой. С большим вниманием он относился к творчеству Ибсена: «Сначала я был поражен той свободой, которой пользуется женщина в Лондоне и Париже, однако, Ибсен своей драмой «Кукольный дом» раскрыл мне горькую правду, то, что, по моему мнению, было свободой и независимостью европейской женщины, оказалось только позолотой, скрывающей действительное рабство. Мне стало ясно, что разница между европейской и восточной женщиной заключается лишь в том, что первая имеет лоск цивилизации. Все различие состоит в степени подчинения и рабства»¹⁸.

Вот что С.Муса говорит о Ф.Антуне: «При помощи Ф.Антуна познакомился я с французскими писателями. Ф.Антун направил меня к новой Европе, Европе гуманистов, Европе, идущей по пути указанному Вольтером. Руссо, Ренаном...».

Арабская литература, какой мы знали ее тогда, была служанкой власти, традиций и догм... Европейская литература, с которой нас познакомил Фарах Антун, была литературой ума, который

---

¹⁷ С.Муса «Литературная жизнь». –Каир, 1956, –С.2.

¹⁸ Касымходжаев А. Борьба идей в литературной жизни Египта. –Т., 1983, –С.91.

чувствует и сердца, которое мыслит. Все эти писатели (Вольтер, Дидро) были борцами, восставшими против деспотизма королей «феодалов, против гнета веры и власти прошлого»¹⁹.

С.Муса: «Я буду бороться против англичан до тех пор, пока они не покинут землю моей родины, но я буду бороться против гниющего Востока, в теле которого копошатся черви традиции. Я буду бороться против того унижения, в котором живут мои соотечественники, против невежества и нищеты. Поистине я враг англичан, но я враг и тысячи египтян- реакционеров, стоящих на пути развития наук, современной культуры, свободы женщины»²⁰.

Литературные взгляды С.Мусы: «Мы требуем от писателя, чтобы он писал для народа. На языке, доступном народу, чтобы проблемы стоящие перед народом, были предметом его изучения и интереса, чтобы он выполнял роль учителя и воспитателя, а не краснбая и развлекателя, чтобы он обогащал читателя пониманием бытия и человека. Он всегда на стороне тех, кто не отгораживается от реальности, ее проблем, он разделяет позиции писателей - демократов, которые рассматривают литературу как оружие в борьбе за реформацию общества.

С.Муса предъявляет своим коллегам по перу тяжелое обвинение в том, что они изменили идеалам своей молодости, пошли в услужении внутренней и внешней реакции. С горьким сарказмом он вспоминает о том, как Таха Хусейн обратился к королю Фаруху со словами: «О, господин Египта!», а аль-Аккад назвал его (Фаруха) «величайшим философом», цитировал стихи, прославляющие короля. «От этих писателей, -говорит С.Муса, - напрасно ждать, чтобы они подняли голос в защиту рабочих и крестьян, живущих в ужасающей нищете, они пишут для развлечения богатых людей и их совсем не интересуется судьба двадцати миллионов египтян, не имеющих возможности вести «красивую жизнь».

Творчество этих писателей он сравнивает с византийской живописью периода упадка, когда художники были озабочены не правдивым изображением реально существующих людей, а красотой формы, и тем самым, отгораживаясь от современности.

---

¹⁹ См. там же.

²⁰ Там же.

Типичным является, по его мнению, Хайкаль, который «начал свою жизнь, пропагандируя демократические идеи Руссо, а кончил ее, как заклятый враг демократии в Египте».

Сторонникам «чистого искусства» он противопоставляет новое поколение писателей, которые считают, что литература должна быть органически связана с обществом, выполнять в нем жизненно важные функции, помогая его развитию.

С. Муса активно выступает в защиту реалистических тенденций в литературе, но в его теоретических положениях проглядывает определенный социологизм и некоторое смешение художественной литературы с науками.

С. Муса выступает против застывших литературных канонов: «Некоторые обвинили меня в том, что я пишу о проскурняке, сове и вареных бобах... Я отличаюсь от других тем, что верю: литература - гуманистическое послание, чье предназначенье служить тем слоям населения, которых обеднила и истощила иностранная колонизация и национальное угнетение. Им не нужны описания букетов роз или незапятнанности жасмина, нет. Не красота - цель литературы. Ее цель-гуманизм. Гуманизм требует, чтобы писатель прежде всего указывал, где добыть пищу для народа, затем уже - розы и жасмин».

Деятельность С. Мусы высоко оценивается египетской литературной критикой. Махмуд Амин аль-Алим так писал о С. Мусе: «В обществе, задыхающемся в тисках империализма, феодализма, экономической отсталости, интеллектуального и литературного застоя, его взгляды, проникнутые верой в науку, прогресс, социализм были настоящей революцией».

С. Муса придерживался теории эволюции Дарвина. Первым произведением С. Мусы было «Пришествие сверхчеловека».

Это произведение можно назвать рецензией на пьесу Барнарда Шоу «Человек и сверхчеловек» (1902). Вот как он разъясняет идею этой книги: «Каждый человек был когда-то глиной, в которую вдохнули жизнь, затем одноклеточное амёба, затем слабое животное без головы, рыба, обезьяна - человек. Это человек (по мере развития) будет суперменом». Однако, С. Муса не разрабатывает эту тему в ницшеанском варианте и не заходит дальше утверждения

Бернарда Шоу, что «жизнь дана для рождения» что такой человек, каким мы знаем его может быть усовершенствован.

Как художник Салама Муса, несомненно, находится под влиянием русской литературы. «Припоминаю - пишет он в автобиографической книге «Формирование Салама Мусы», - что в эти годы русская литература покорила Лондон. Тогда не было вечера, где не говорили о Горьком, Достоевском и др. Вспоминаю, что я посетил лекцию о Толстом и увидел присутствующих слушателей, будто они коленопреклонение в святилище, да и лекция была также подобно религиозной проповеди. Я начал переводить «Преступление и наказание» Достоевского, сразу по возвращении в Египет»²¹.

Огромное влияние русской литературы и на становление воззрений Саламы Мусы. «Я познакомился с произведениями русских писателей, - пишет он, - еще в двадцатилетнем возрасте. Это знакомство в огромной мере способствовало развитию моего художественного вкуса и предохранило меня от чтения английской литературы, которая по своим достоинствам не могла идти ни в какое сравнение с великими творениями Л.Толстого, Ф.Достоевского, М.Горького, А.Чехова, И.Тургенева. В самом деле, если мы перейдем от русского писателя Достоевского к англичанину Арнольду Бекету, мы совершим ужасающий скачок вниз. А переход от Толстого к любому европейскому или американскому писателю - это настоящее падение. Как своего рода образец рассматривает С. Муса русскую литературу, отражающую реальную жизнь: «Иногда мне кажется, что моя любовь к этим русским писателям объясняется тем обстоятельством, что они описывают такое общество, которое близко в социальном отношении к египетскому».

В статье «Три русских писателя: Достоевский, Толстой, Горький» он пишет: «Все трое отличаются по своим тенденциям: Достоевский - мистик, Толстой - моралист, Горький - революционер, коммунист...».

Каждый из этих трех по-своему оригинален и единственен в своем роде. Однако, общим для них всех является искренность и

---

²¹ Касымходжаев А. –С.62.

тесная связь литературы с жизнью.... Можно было бы даже сказать, что они не создают литературу, а переживают ее.

Вопросы для контрольной работы:

1. Салама Муса и социализм.
2. Английская литература и Салама Муса.
3. С.Муса о гуманизме в литературе
4. Связь эстетических взглядов С.Мусы с русской литературой.

Темы для самостоятельной работы:

1. *Английская литература в восприятии С.Мусы.*
2. *С.Муса – сторонник реализма в литературе («Литература и жизнь»).*

1.5. ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРОВОВЕДЕНИИ. МАХМУД АМИН АЛЬ АЛИМ

Цель учебного занятия: Ознакомить с содержанием полемики «спор между старыми и молодыми» в 50-годы XX века в Египте, взгляды аль-Алима на экзистенциализм и другие современные течения.

Опорные слова: *Культура, Элиот, учение Бадави, экзистенциализм, структурализм, новый романтизм, фрейдизм без Фрейда.*

Назначение культуры в жизни общества - по этому вопросу в Египте в начале 50-х годов разгорелась полемика, известная как «спор между старыми и молодыми».

Представители демократического направления считали своим долгом отражать в произведениях интересы народа, выступали поборниками правды в искусстве, выдвинули лозунг «реализм и народность», представители консервативного лагеря проповедовали уход от животрепещущих проблем современности, пытались укрыться от них лозунгом «искусство для искусства».

Наиболее ярко это полемика отразилась в споре между Таха Хусейном, защитником «чистого искусства», Аббасом Махмудом Ал-Аккадом и представителями революционной демократии Мах-

мудом Амином ал-Алимом, Абд ал- Азимом Анисом, статьи которых были опубликованы в сборнике «О египетской культуре».

Махмуд Амин ал-Алим посвятил специально статью «За египетскую культуру» основным фактором, определяющим понятие культуры вообще, и в частности обусловившим некоторые специфические особенности египетской культуры.

Статья начинается с анализа книги английского поэта и критика Т.С. Элиота «Заметки по поводу определения культуры».

Махмуд Амин ал-Алим отвергает идеалистический подход Элиота в определении культуры. Элиот считает единым определяющим фактором европейской культуры и английской, в частности христианство. Таким образом, единый фактор культуры он сводит к религии, «так понимать культуру значило бы заточить её в монастырь, максимально умаляя её функцию», - отмечает известный учёный Э.Агости, подвергая критике данную книгу.

М.А. ал-Алим отрицает религию как единственный фактор, определяющий культуру. Он считает, что «культура в философском, литературном и художественном толковании отражает общественный труд каждого народа и всех слоев и классов и содержание этого общественного труда»²².

М.А. ал-Алим отвергает также географический детерминизм, ставящий развитие общества в прямую зависимость от природных условий. Так Т. Хусейн, Лутфи аль-Хули и др. утверждают, что благодаря географическому расположению Египта (его близости к реке Нил) здесь была создана якобы особая египетская культура и египетская личность.

М.Амин аль-Алим считает абсурдом признание климатических условий решающим фактором, определяющим характер культуры вообще и в частности, египетской. Он подвергает критике положения Т.Хусейна о том, что египетская культура обусловлена «египетской умеренностью, которая происходит от умеренности климата и препятствует человеческой жизни переступать границы обновления»²³.

---

²² Касымходжаев А. Борьба идей в литературной жизни Египта. –Т., 1983, –С.120.

²³ Там же. –С.122.

Махмуд Амин аль-Алим также подвергает уничтожающей критике архиреакционную теорию, применяемую некоторыми учеными в определении культуры - теорию расы. «Человеческий разум - один, общий в своих существенных особенностях». Поэтому нет ни восточного, ни западного склада ума, ни восточной, ни западной культуры. Культурные различия зиждятся на основе разнородности социально сложившихся обстоятельств, на основе различия уровней и разнородности социальных процессов».

Аль-Алим отстаивает принципы социальной обусловленности сущности искусства, его роли в жизни общества: «Культура - высшая надстройка над обществом, состоящая из философии, искусства, литературы, законов и общих оценок, господствующих в обществе. Поэтому культура по природе своей отличается разнообразием социальных интересов. Поэтому культура имеет неизбежно социально-классовый характер».

Первым и основным препятствием на пути культурного прогресса аль-Алим считает реакционный традиционализм.

Проблемы идейности литературы и искусства являются стержневой темой всего сборника «О египетской культуре».

Анализируя литературное произведение аль-Алим старается рассмотреть идейную позицию художника. В статье «О философии романа», он пишет: «Любая великая литература несет в себе великие идеи. Нет безидейной литературы»²⁴.

У М. Амин аль-Алима и Абд аль-Азим Аниса разные с Таха Хусейном взгляды на роль вдохновения в процессе творчества, которое Т. Хусейн явно переоценивал.

Т. Хусейн считает вдохновение известным противоречием между желаниями и возможностями литературы: Т. Хусейн делает вывод, что специфической особенностью искусства и литературы является зависимость художника от вдохновения. Махмуд Амин аль-Алим и Абд аль-Азим Анис утверждают, что вдохновение приходит в процессе работы, заполняет все существо писателя. Тогда он выносит на суд читателей свои идеи в эстетическом воспроизведении посредством художественных средств, присущих тому или иному виду искусства.

---

²⁴ Там же. –С.132.

Весьма субъективно суждение Таха Хусейна о вечном и преходящем в литературе и искусстве. Опираясь на критерии, высокой художественности, Т.Хусейн считает, что поэзия живет вечно, тогда как проза сохраняется очень недолго: «Проза гибнет сразу же после того, как она понята. Вы, как только прочтете книгу или статью и поймете их, вы уже убили их дух, овладели им». Иначе он определяет поэзию. По словам писателя, красота поэзии не возникает от понимания ее идей, поэтому невозможно ее убить, извлечь ее душу. Ее красота возникает из слов, фантазии, образов. Слова и образы вкрадываются в твою душу, мимо них невозможно пройти²⁵.

М.А. аль-Алим, последовательно выступая против такой постановки вопроса, дискутирует не только с Таха Хусейном, но и с другими литераторами - Мусой Сабри, Саадом Камилем - и поднимает сложную проблему оценки произведения во времени. Оппоненты аль-Алима, в частности Муса Сабри, утверждали, что произведение имеет общественную значимость только для той эпохи, в которой оно родилось и никак не влияет на общественную жизнь завтрашнего дня, оставаясь лишь историческим памятником.

Аль-Алим вместе с тем не отрицает, что существуют и бессмертные произведения, такие произведения создаются гениями человечества. («Гамлет» Шекспира). Махмуд Амин аль-Алим выступает как последовательный сторонник реализма в искусстве и литературе. В сборнике «О египетской культуре» он вместе с Абд аль-Азимом Анисом отмечал зарождение школы реалистов - демократов в египетской литературе 50-годов.

В 1954 г. аль-Алим опубликовал статью «Нравственные устои экзистенциализма», где подверг критике философию, выдвинутую в Египте Абдаррахманом Бадави. В 1953 г. Бадави издал книгу под названием «Можно ли создать экзистенциалистскую нравственность» в которой выступил с предложением создать «всеобъемлющую философию для поколения XX века», Бадави пытался соединить экзистенциализм с исламом.

Основными категориями «философии существования» Бадави являются, как и у европейских экзистенциалистов, категории «существования», «свободы», «страха» и т.д.

---

²⁵ Там же, –С.134.

Он различает «свободное существование» («аль-вуджуд аль-махави») называя его иногда, «сущность отдельного индивидуума» (аз-зат аль-фарида) и «существования среди объектов», которое именуется «фальшивым существованием» (вуджуд залиф), понимая под «существованием» не реальное бытие, а психику отдельного индивида («фард»). При этом Бадави оправдывает и считает естественным только «свободное существование».

Человек в обществе, согласно учению Бадави, находится в полной изоляции от других людей и природы. Менее свободны те, кто имеет связи с другими людьми и объектами внешнего мира и более свободны те, кто не связан с другими и не выходит за пределы своего мира. Бадави выделяет категории добра, долга, справедливости, ответственности как «категории нравственного существования». Одно из важных мест в учении Бадави занимает категория страха. Страх, по его мнению, выражает состояние человека по отношению к «неведомому будущему, т.к. мир непостижим», «его завтрашний день неведом». В социологии «философия существования» отрицает объективные законы общественного развития, общественная жизнь понимается как хаос, отрицается классовая борьба.

А.Бадави считает философию экзистенциализма наиболее рациональной для стран арабского Востока. Аль-Алим считает, что писатели-экзистенциалисты развивают идею абсурдности человеческого существования. Общество равнодушно к человеку, поэтому он обречен на трагическое одиночество. Экзистенциалисты противопоставляют истинному гуманизму теорию существования «миллионов одиночек» в мире хаоса. Выход из абсурдности «человеческого существования» они ищут в бунте личности против общественных законов».

Аль-Алим приходит и к выводу, что экзистенциализм неприемлем для Арабского Востока: «Быть человеком общества - вот подлинное существование индивидуума». Его оторванность от своего общества равноценна его обескровливанию. Сущность его – в строительстве новой жизни, в действительном познании необходимых законов.

Аль-Алим подвергает критике течение «нового романтизма», с идеей которого выступил в Египте Луис Аввад. Л.Аввад утверждал,

что реализм исчерпал свои возможности в современной арабской литературе и на смену ему явилось течение «нового романтизма». Неоромантики настаивали на невозможности познания действительности и выявления смысла жизни. Утверждение новой художественной формы они не мыслят без размежевания с реализмом.

Аль-Алим полностью солидарен с Хусейном Мурувве, когда тот на примере лучших произведений последних лет Нагиба Махфуза, Абд ар-Рахмана аш-Шаркави и других доказывает, что реализм укрепляет свои позиции в современной арабской литературе.

Луис Аввад полностью отвергает принцип исследования литературного произведения с социальных классовых позиций, игнорирует проблему социальной обусловленности литературы и искусства. Аль-Алим рассматривает литературную критику в сопоставлении с теориями, бытующими как на Западе, так и на Арабском Востоке. В своих статьях анализирует три направления французской литературной критики, связывая ее с литературной жизнью Египта. В них он подчеркивает, что литературная критика - не область абстрактной, аполитичной критики, а непосредственное выражение социальных идей и устоев определенных слоев общества. Махмуд аль-Алим дает оценку структурализму: «Структурализм это попытка определения строения формы литературного произведения при игнорировании содержания этого произведения. Структурализм не намерен отвечать на вопрос «почему», а стремится лишь ответить на вопрос «как». Неважно о чем пишет автор, важно «как» пишет. По мнению представителей школы структурализма, пишет аль-Алим «важность критики не в идейном, нравственном, социальном, психологическом или идеологическом толковании или оценке произведения, а в структуре, при помощи которой создается литературное произведение»²⁶.

Это направление одно из разветвлений той школы, которая рассматривает литературное произведение как сумму эстетических ценностей, не считая их формой общественного сознания. Аль-Алим подвергает "резкой критике психологическую школу литературного анализа в статье «Фрейдизм без Фрейда». Он отмечает, что сам Фрейд не переносил полностью свою теорию в область искусства, однако это поспешили сделать его последователи, как на Западе, так и на Востоке, в частности, в Египте. Так,

---

²⁶ Касымходжаев А. –С.141.

одним из проповедников фрейдизма, распространившим его на литературу в Египте, явился Мухаммад Хилфиллах Ахмад.

«Литературное произведение - творение личности, в чем нет никакого сомнения. С другой стороны личность-дитя общества и своей эпохи». Родоначальником социальной школы литературной критики аль-Алим называет Саламу Мусу, который в 30х-годах в своих работах выдвинул социальные критерии подхода к анализу художественного произведения. Другие представители этой школы - Абд аль-Азим Анис, Хусейн Мурувва, Рага ан-Наккаш и др.

В рамках дискуссии между представителями так называемой «старой школы» и реалистами-демократами широко обсуждались и основные критерии формы и содержания, новая трактовка положительного героя, трагическое и прекрасное в литературе. Начинателем дискуссии был Таха Хусейн. «Форма и ее содержание - две неразличимые вещи, или они одна вещь, если хотите. Я добавлю к ним третий элемент. Он абсолютно необходим, неразрывен от содержания и формы. Этим элементом является красота»²⁷.

Идея прекрасного в литературе с точки зрения объекта наслаждения для души, пищи для сердца и ума. Пусть красота литературы будет там, где может быть. Пусть будет в словах или идеях, в стиле или во всем этом вместе. «Литература в конце концов - разновидность музыки, состоящей из всех этих вещей: языка, идей, стилей и того что воспроизводит образы, что возбуждает чувства, вызывает эмоции»²⁸.

По определению русского ученого В. Белинского литературоведение является «движущейся эстетикой», об этом убедительно свидетельствуют литературные процессы XX века.

Современное литературоведение все более трансформируется в исследование не просто литературы, а культуры общества, культурного сознания.

В области теории литературы намечается тенденция плюралистического развития.

Одним из первых арабских исследователей, выступившим за необходимость изучения нереалистических течений в литературе был сириец Али Салех Али.

---

²⁷ Там же, –С.146.

²⁸ Там же.

В 1986 году в Москве он защитил кандидатскую диссертацию “Сирийская новелла 50-70х годов XX века. К проблеме художественного метода”.

Серьезным методологическим сдвигом данной работы является освобождение арабского литературоведения от идеологических предубеждений и установок.

Исследователь первостепенной задачей представляет окончательный отказ от восприятия литературного движения лишь в категориях конфронтации и взаимоотчуждения, как состояния войны между реализмом и модернизмом.

Перед учеными, занимающимися зарубежным литературоведением стоят новые задачи в изучении проблемы неореализма в восточных литературах, реализма, обогащенного элементами поэтики модернизма.

Вопросы для контрольной работы:

1. Культура в понимании М.Амина аль-Алима
2. М.Амин аль-Алим - сторонник социальной функции литературы.
3. М.Амин аль-Алим и философия экзистенциализма.

Темы для самостоятельной работы:

1. *Культура в понимании аль-Алима.*
2. *Критика аль-Алимом философии Абдаррахмана аль-Бадави.*

II Глава

ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

2.1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

Цель занятия: ознакомить с принципами теоретической поэтики.

Опорные слова: поэтика, форма и содержание, время и пространство.

Поэтика: значения термина

В далекие от нас века (от Аристотеля и Горация и до теоретика классицизма Буало) термином «поэтика» обозначались учения о словесном искусстве в целом. Это слово было синонимично тому, что ныне именуется теорией литературы.

На протяжении же последнего столетия поэтикой (или теоретической поэтикой) стали называть раздел литературоведения, предмет которого – состав, строение и функции произведений, а также роды и жанры литературы. Различимы поэтики нормативные (ориентирующиеся на опыт одного из литературных направлений и его обосновывающие) и общая поэтика, уясняющая универсальные свойства словесно-художественных произведений.

В XX в. существует и иное значение термина «поэтика». Этим словом фиксируется определенная грань литературного процесса, а именно – осуществляемые в произведениях установки и принципы отдельных писателей, а также художественных направлений и целых эпох.

В сочетании с определением «историческая» слово «поэтика» обрело еще один смысл: это дисциплина в составе литературоведения, предмет которой – эволюция словесно-художественных форм и творческих принципов писателей в масштабах всемирной литературы.

В прошлом столетии предметом изучения становились по преимуществу не сами произведения, а то, что в них воплощалось и преломлялось (общественное сознание, предания и мифы; сюжеты и мотивы как общее достояние культуры; биография и духовный опыт писателя): ученые смотрели как бы сквозь произведения, а не сосредоточивались на них самих. Авторитетные аме-

риканские ученые утверждают, что подобная диспропорция в литературоведении прошлого века явилась следствием его зависимости от романтического движения. В XIX столетии интересовались прежде всего духовными, миросозерцательными, общекультурными предпосылками художественного творчества: «История литературы была до такой степени занята изучением условий, в которых создавались произведения, что усилия, расходувавшиеся на анализ самих произведений, выглядели совсем незначительными на фоне тех, что прилагались с целью уяснить обстоятельства, сопутствовавшие созданию произведений»²⁹. В XX в. картина радикально изменилась. В многократно переиздававшейся книге немецкого ученого В. Кайзера «Словесно-художественное произведение. Введение в литературоведение» справедливо сказано, что главный предмет современной науки о литературе – сами произведения, все же остальное (психология, взгляды и биография автора, социальный генезис литературного творчества и воздействие произведений на читателя) вспомогательно и вторично.

Теоретическое литературоведение 20-х годов неоднородно и разнонаправленно. Наиболее ярко проявили себя формальный метод (группа молодых ученых во главе с В.Б. Шкловским) и социологический принцип, разрабатывавшийся с опорой на К. Маркса и Г.В. Плеханова (В.Ф. Переверзев и его школа). Но существовал в эту пору еще один пласт науки о литературе, ознаменовавшийся несомненными достижениями в области теоретической поэтики. Он представлен работами М.М. Бахтина (большая часть которых опубликована сравнительно недавно), статьями А.П. Скафтымова, С.А. Аскольдова, А.А. Смирнова, которые не привлекли достаточного внимания современников. Эти ученые наследовали традицию герменевтики и в большей или меньшей степени опирались на опыт отечественной религиозной философии начала столетия.

СОСТАВ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ. ЕГО ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

---

²⁹ Уэллек Р. и Уоррен О. Теория литературы. М. 1978, с. 152.

Понятийно-терминологический аппарат теоретической поэтики, с одной стороны, обладает некоторой стабильностью, с другой – в нем немало спорного и взаимоисключающего. В основу систематизации аспектов (граней, уровней) литературного произведения ученые кладут разные понятия и термины. Наиболее глубоко укоренена в теоретической поэтике понятийная пара «форма и содержание». Так, Аристотель в «Поэтике» разграничивал в произведениях некое «что» (предмет подражания) и некое «как» (средства подражания). От подобных суждений древних тянутся нити к эстетике средних веков и Нового времени. В XIX в. понятия формы и содержания (в том числе в их применении к искусству) были тщательно обоснованы Гегелем. Эта понятийная пара неизменно присутствует в теоретико-литературных трудах нашего столетия.

Вместе с тем ученые неоднократно оспаривали применимость терминов «форма» и «содержание» к художественным произведениям. Так, представители формальной школы утверждали, что понятие «содержание» для литературоведения излишне, а «форму» подобает сопоставлять с жизненным материалом, который художественно нейтрален. Иронически характеризовал привычные термины Ю.Н. Тынянов: «Форма – содержание = стакан – вино. Но все пространственные аналогии, применяемые к понятию формы, важны тем, что только притворяются аналогиями: на самом же деле в понятие формы неизменно подсовывается при этом статический признак, тесно связанный с пространственностью». Одобрительно откликаясь на тыняновское суждение полвека спустя, Ю.М. Лотман предложил замену традиционных и, как он полагал, негативно значимых, однобоко «дуалистических» терминов «монистичными» терминами «структура и идея». В эту же «структуралистскую» эпоху в литературоведении (тоже в качестве замены надоевших формы и содержания) пришли слова «знак и значение», а позже, в «постструктуралистское» время – «текст и смысл». Атака на привычные «форму и содержание» ведется уже три четверти века.

Традиционные формы и содержание, однако, продолжают жить, хотя нередко берутся в иронические кавычки, предваряются словами «так называемые», или, как в книге В.Н. Топорова,

заменяются аббревиатурами F и S. Знаменательный факт: в широко известной и авторитетной работе Р. Уэллека и О. Уоррена привычное расчленение произведения «на содержание и форму» расценивается как «запутывающее анализ и нуждающееся в устранении»; но позже, обратившись к стилистической конкретике, авторы отмечают (в полемике с интуитивистом Б. Кроче) необходимость для литературоведа вычленять элементы произведения и, в частности, силой аналитического интеллекта отделять друг от друга «форму и содержание, выражение мысли и стиль», при этом «помня об их конечном единстве». Без традиционного разграничения в художественном творении неких «как» и «что» обойтись трудно.

В теоретическом литературоведении с выделением двух фундаментальных аспектов произведения (дихотомический подход) широко бытуют и иные логические построения. Так, А.А. Потебня и его последователи характеризовали три аспекта творений искусства, каковы: внешняя форма, внутренняя форма, содержание (в применении к литературе: слово, образ, идея). Бытует также многоуровневый подход, предложенный феноменологическим литературоведением. Так, Р. Ингарден выделил в составе литературного произведения четыре слоя (Schicht): 1) звучание речи; 2) значение слов; 3) уровень изображаемых предметов; 4) уровень видов (Ansicht) предметов, их слуховой и зрительный облик, воспринимаемый с определенной точки зрения. Многоуровневый подход имеет своих сторонников и в отечественной науке.

Названные теоретические подступы к произведениям искусства (дихотомический и многоуровневый) не исключают друг друга. Они вполне совместимы и являются взаимодополняющими.

Форма и содержание – философские категории, которые находят применение в разных областях знания. Слову «форма» (от лат. forma), родственны др.-гр. morphē и eidos. Слово «содержание» укоренилось в новоевропейских языках (content, Gehalt, contenu). В античной философии форма противопоставлялась материи. Последняя мыслилась как бескачественная и хаотическая, подлежащая обработке, в результате которой возникают упорядоченные предметы, являющиеся формами. Значение слова

«форма» при этом (у древних, а также в средние века, в частности у Фомы Аквинского) оказывалось близким смыслу слов «сущность», «идея», «Логос». «Формой я называю суть бытия каждой вещи», – писал Аристотель. Данная пара понятий (материя – форма) возникла из потребности мыслящей части человечества обозначить созидательную, творческую силу природы, богов, людей.

В философии Нового времени (особенно активно в XIX в.) понятие «материя» было оттеснено понятием «содержание». Последнее стало логически соотноситься с формой, которая при этом мыслится по-новому: как выразительно значимая, воплощающая (материализующая) некую умопостигаемую сущность: общебытийную (природно-космическую), психическую, духовную. Мир выразительных форм гораздо шире области собственно художественных творений. Мы живем в этом мире и сами являемся его частью, ибо облик и поведение человека о чем-то свидетельствует и что-то выражает. Эта пара понятий (выразительно значимая форма и воплощаемое ею умопостигаемое содержание) отвечает потребности людей уяснить сложность предметов, явлений, личностей, их многоплановость, и прежде всего – постигнуть их неявный, глубинный смысл, связанный с духовным бытием человека. Понятия формы и содержания служат мыслительному отграничению внешнего – от внутреннего, сущности и смысла – от их воплощения, от способов их существования, т.е. отвечают аналитическому импульсу человеческого сознания. Содержанием при этом именуется основа предмета, его определяющая сторона. Форма же – это организация и внешний облик предмета, его определяемая сторона.

Так понятая форма вторична, производна, зависима от содержания, а в то же время является условием существования предмета. Ее вторичность по отношению к содержанию не означает ее второстепенной значимости: форма и содержание – в равной мере необходимые стороны феноменов бытия. Применительно к предметам становящимся и эволюционирующим форма мыслится как начало стабильнее, охватывающее систему его устойчивых связей, а содержание – как составляющее сферу динамики, как стимул изменений.

Итак, в художественном произведении различимы начала формально-содержательные и собственно содержательные. Первые, в свою очередь, разноплановы. В составе формы, несущей содержание, традиционно выделяются три стороны, необходимо наличествующие в любом литературном произведении. Это, во-первых, предметное (предметно-изобразительное) начало', все те единичные явления и факты, которые обозначены с помощью слов и в своей совокупности составляют мир художественного произведения (бытуют также выражения «поэтический мир», «внутренний мир» произведения, «непосредственное содержание»). Это, во-вторых, собственно словесная ткань произведения: художественная речь, нередко фиксируемая терминами «поэтический язык», «стилистика», «текст». И, в-третьих, это соотношенность и расположение в произведении единиц предметного и словесного «рядов», т.е. композиция. Данное литературоведческое понятие сродни такой категории семиотики, как структура (соотношение элементов сложно организованного предмета).

Выделение в произведении трех его основных сторон восходит к античной риторике. Неоднократно отмечалось, что оратору необходимо: 1) найти материал (т.е. избрать предмет, который будет подан и охарактеризован речью); 2) как-то расположить (построить) этот материал; 3) воплотить его в таких словах, которые произведут должное впечатление на слушателей.

Вопросы для контрольной работы:

1. Поэтика: значение термина.
2. Состав литературного произведения.

Темы самостоятельной работы:

1. Поэтика произведений Гауфик аль-Хакима
2. Проблематика романов Нагиба Махфуза

2.2. ПРИНЦИПЫ РАССМОТРЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Цель занятия: ознакомить с основными принципами анализа художественного произведения.

Опорные слова: описание, литературоведческие интерпретации.

Принципы рассмотрения литературного произведения

В ряду задач, выполняемых литературоведением, изучение отдельных произведений занимает весьма ответственное место. Это самоочевидно. Установки и перспективы освоения словесно-художественных текстов у каждой из научных школ и у каждого крупного и своеобразного ученого свои, особые. Вместе с тем в литературоведении явственно просматриваются, а нередко и формулируются впрямую, некие универсально значимые подходы к творениям словесного искусства. Упрочились такие понятия, характеризующие методологию и методику изучения произведений, как научное описание, анализ, интерпретация; внутритекстовое (имманентное) и контекстуальное рассмотрение.

ОПИСАНИЕ И АНАЛИЗ

Суть произведения не может быть постигнута скольконибудь конкретно и убедительно посредством извлечения из него отдельных суждений повествователя, персонажа, лирического героя, путем комментирования и обсуждения произвольно выбранных фрагментов либо на основе каких-нибудь умозрительных «выкладок». Тайны художественных творений открываются литературоведческой мысли лишь на основе непредвзятого и тщательного рассмотрения общей совокупности текстовых фактов, в результате изучения формы в ее многоплановости, со всеми ее компонентами и нюансами. Для ученого насущно пристальное внимание ко всему, что способно воздействовать на читателя, – к наличествующим в произведении «факторам художественного впечатления».

Исходная задача филолога по отношению к художественному творению состоит в описании того, что в нем формализовано (речевые единицы; обозначенные предметы и действия; композиционные сцепления). Научным описанием принято называть первоначальный этап исследования, а именно – фиксирование данных эксперимента и наблюдения. В сфере литературоведения, естественно, доминирует наблюдение. Описание художественного текста неразрывно связано с его анализом (от др.-гр. *analysis* – разложение, расчленение), ибо оно осуществляется путем соотнесения, систематизации, классификации элементов произведения.

Описание и анализ литературно-художественной формы не являются занятиями механическими. Это дело творческое: опираясь на собственное читательское восприятие, используя свои профессиональные навыки и знания, литературовед отделяет в произведении более важное от менее существенного, активно значимое от более или менее нейтрального, вспомогательно-служебного, порой случайного. При этом оказывается весьма важным понятие мотива.

В ряде случаев описание и анализ имеют чисто констатирующий, «атомизирующий» характер: перечисляются и группируются формальные компоненты (приемы) произведения, и этим его рассмотрение ограничивается. Так, к примеру, изучалась фонетика стихов формальной школой на ее раннем этапе. Более перспективен анализ, имеющий целью уяснение отношений элементов формы к художественному целому, т.е. направленный на постижение функции приемов (от лат. *functio* – исполнение, свершение). Б.В. Томашевский утверждал, что в составе общей поэтики важно понятие художественной функции поэтических приемов: «Каждый прием изучается с точки зрения его художественной целесообразности, т.е. анализируется: зачем применяется данный прием и какой художественный эффект им достигается».

В литературоведении 1920-х годов наметилось также и иное понимание функции формальных компонентов произведения. А.П. Скафтымов и М.М. Бахтин заговорили о подчиненности художественных средств авторской мысли, смысловому заданию и тем самым пришли к понятию содержательной функции. Рассмотрение последней увенчивает описательно-аналитическую деятельность литературоведа. Здесь имеет место переход от анализа к синтезу, к постижению смысловой целостности произведения, т.е. к его интерпретации.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В отличие от обычных читательских, а также эссеистских и художественно-творческих постижений литературного произведения (в которых вполне могут преобладать эмоции и интуиции, рационально не обосновываемые) собственно литературоведческое освоение смысла, притязающее на объективность и досто-

верность, необходимо опирается на описание и анализ формы. Об этом неоднократно говорили не только ученые, но и писатели: «...обсуждение содержания без обсуждения формы представляет неограниченные возможности для мошенничества» (Г. Белль). Подобного рода представления получили развернутое обоснование в одной из ранних работ А.П. Скафтымова, где подчеркивается, что извлечение смысла из текста требует мышления ответственного и строгого. Ученый утверждал, что интерпретации подобает быть последовательно и неуклонно аналитической и имманентной произведению, т.е. соответствующей его составу и структуре (построению): «...только само произведение может свидетельствовать о своих свойствах Интерпретатор не бесконтролен. Состав произведения сам в себе носит нормы его истолкования. Все части произведения находятся в некоторых формально-определенных отношениях. Компоненты льют свет друг на друга, и через сопоставление частей, через целостный охват всего создания неминуемо должны раскрываться центральная значимость и эстетический смысл как отдельных частностей, так и всего целого». При этом ученый не отвергает роли субъективного начала в аналитических прочтениях литературы, но констатирует его границы: «Исследователю художественное произведение доступно только в его личном эстетическом опыте. В этом смысле, конечно же, его восприятие субъективно. Но субъективизм не есть произвол. Для того, чтобы понять, нужно уметь отдать себя чужой точке зрения. Нужно честно читать. Исследователь отдается весь художнику, только повторяет его в эстетическом переживании, он лишь опознает те факты духовно-эстетического опыта, которые развертывает в нем автор».

Литературоведческие интерпретации (даже самые серьезные и глубокие) не в состоянии исчерпать содержания творений словесного искусства, ибо в них далеко не все обладает полнотой определенности и неизменно остается тайной, которая побуждает к интеллектуальным построениям – инициативным и творческим. Об этой грани интерпретирующей деятельности говорил М.М. Бахтин, опираясь на герменевтику и оперируя понятием «диалогичность». Он утверждал, что интерпретации художественных произведений способны привносить в их состав нечто новое,

вершить «прибавление путем творческого созидания». При раскрытии и комментировании смысла образа «растворить его в понятиях невозможно»: могут быть «либо относительная рационализация смысла (обычный научный анализ), либо углубление его с помощью других смыслов (философско-художественная интерпретация) Истолкование символических структур принуждено уходить в бесконечность символических смыслов, поэтому оно и не может стать научным в смысле научности точных наук». В литературоведении, верном своей гуманитарной специфике, критерием является «не точность познания, а глубина проникновения. Здесь познание направлено на индивидуальное. Это область открытий, откровений, узнаний, сообщений».

Приведенные суждения Скафтымова и Бахтина (при всем их различии) взаимодополняющи. Они ставят серьезнейшую проблему причастности интерпретаций собственно научному знанию. На этот счет существуют суждения диаметрально противоположные. В одних случаях интерпретирующая деятельность расценивается как доминанта литературоведения, в других, напротив, частично или полностью выводится за его рамки. Первая точка зрения четко обозначена Д.С. Лихачевым. По его словам, интерпретация – это стержень науки о литературе: ее гибкий, лишенный твердости центр, окруженный более точными научными дисциплинами, которые составляют для интерпретации как бы «жесткие ребра» (изучение биографии, история текста, стиховедение).

Вместе с тем в среде литературоведов широко бытует скептическое отношение к интерпретациям, притязающим на научность. Оно восходит к романтической эстетике, акцентировавшей смысловую неопределенность художественных творений. Так, Шеллинг полагал, что произведение искусства «допускает бесконечное количество толкований, причем никогда нельзя сказать, вложена ли эта бесконечность самим художником или раскрывается в произведении как таковом». И впоследствии неоднократно говорилось, что искусство ревниво и властно прячет свою глубину от пытливого человеческого разума.

Научная поэтика и интерпретация противопоставлялись друг другу представителями формальной школы и структурализма.

Принципы рассмотрения литературных произведений, как видно, являются предметом разнотолков, не имеющих завершения. Нерешенных проблем несравненно больше, нежели аксиом. И тем не менее некоторые общетеоретические положения относительно литературоведческих интерпретаций можно сформулировать.

Во-первых: художественное содержание не может быть исчерпано какой-либо единичной трактовкой произведения. Литературоведческие интерпретации (подобно всем иным формам научного знания) способны вбирать в себя лишь относительные истины. Никакому акту осмысления произведений искусства (даже самому проникновенному и глубокому) не дано оказаться единственно и исчерпывающе правильным. Процесс постижения смысла великих художественных творений нескончаем. Каждому из них соответствует диапазон корректных и адекватных прочтений, порой весьма широкий.

Во-вторых: нельзя не считаться с неоднократно высказывавшимися суждениями о том, что литературоведческим трактовкам словесно-художественных творений подобает быть прежде всего аргументированными и четкими, учитывающими сложные и многоплановые связи с целым каждого текстового элемента. Таково неотъемлемое требование, предъявляемое к интерпретациям, если они хоть в какой-то степени притязают на научность. Литературоведческим прочтениям противопоказаны как бесконечное повторение самоочевидных истин, так и произвольное фантазирование по следам художественных текстов, уводящее от сути выраженного писателями и идущее с ним вразрез. Литературовед, коль скоро он отваживается на интерпретацию, оказывается призванным на свой страх и риск, а вместе с тем осторожно и бережно приближаться к тому, что в составе художественного произведения является тайной.

И, наконец, в-третьих: литературоведческие интерпретации обретают емкость и глубину, когда имманентное изучение, о котором шла речь, сопровождается и подкрепляется контекстуальным рассмотрением произведения.

КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ

Термин «контекст» (от лат. *contextus* – тесная связь, соединение) прочно закрепился в современной филологии. Для литературоведа это – бескрайне широкая область связей литературного произведения с внешними ему фактами как литературными, текстовыми (уместно вспомнить термин «интертекстуальность» – так и нехудожественными и нетекстовыми (биография, мировоззрение, психология писателя, черты его эпохи, культурная традиция, которой он причастен). Контексты творчества писателя весьма разноплановые, во многом определяют черты литературно-художественных произведений.

Различимы ближайшие (наиболее конкретные и могущие быта более или менее четко констатированы) и удаленные (более общие и часто не обладающие определенностью) контексты литературных произведений. Первые – это и творческая история произведения, запечатленная в черновиках и предварительных вариантах, и биография автора, и свойства его личности, и его окружение (семейно-родственная, дружеская, профессиональная «микросреда»). Второго рода контексты – это явления социально-культурной жизни современности автора, а также феномены «большого исторического времени» (М.М. Бахтин), которым он причастен (сознательно или интуитивно). Здесь и литературные традиции как предмет следования или напротив, отталкивания, и внехудожественный опыт прошлых поколений, по отношению к которому писатель занимает определенную позицию, и соотнесенность его мироотношения с воззрениями конфессиональными, национальными, сословными, социально-классовыми, корпоративно-групповыми. В этом же ряду «удаленных» контекстов – надысторические начала бытия: восходящие к архаике мифопоэтические универсалии, именуемые архетипами.

Контекст в котором создается литературное произведение, не имеет сколько-нибудь определенных рамок: он безгранично широк. Многоплановость контекста (или, точнее сказать, множественность контекстов) литературно-художественного творчества не всегда внятна самим писателям, но она безусловно важна для ученых. Чем шире и полнее учтены литературоведом связи произведения с предшествующими ему явлениями и фактами (как

литературно-художественными, так и непосредственно жизненными), тем больше «выигрывают» анализ и интерпретация.

Контекстуальное рассмотрение литературных произведений, что самоочевидно, не может быть исчерпывающе полным: оно по необходимости избирательно. Здесь несравненно больше загадок и тайн, чем определенности и ясности. Вместе с тем изучение контекстов литературного творчества – это необходимое условие проникновения в смысловые глубины произведений, одна из существенных предпосылок постижения как авторских концепций, так и первичных интуиций писателей. В каждом отдельном случае литературовед, естественно, сосредоточивается на каком-то одном аспекте контекста рассматриваемых произведений. Но в общей перспективе развития научной мысли насущен одновременный и равноправный учет как близких, конкретных, так и удаленных, всеобщих контекстов.

Изучение контекстов творчества писателей (в оптимальных для науки вариантах) составляет сопровождение имманентного рассмотрения произведений или, по крайней мере, требует учета данных такого рассмотрения. Отрываясь же от тексто-смысловой конкретики, оно рискует оказаться чем-то вроде музыкального аккомпанемента без мелодии, а в худшем случае – обернуться произвольно-игровым фантазированием (в особенности при исключительной сосредоточенности литературоведа на удаленных контекстах). Наука о литературе нуждается в сопряжении, синтезировании имманентного и контекстуального изучения художественных творений.

Прочтения произведений литературоведами весьма разнообразны по их установкам и очень неравноценны. Они интенсивно множатся от десятилетия к десятилетию. В составе интерпретаций, притязающих на научность, есть место как обедняющему схематизму, искажениям, направленной узости и одержимости, так и глубочайшим проникновениям. Литературоведение „ располагает богатым и неопределимо важным опытом аналитического и одновременно интерпретирующего рассмотрения литературных произведений, которое обогатило и углубило их понимание.

Вопросы для контрольной работы:

1. Мир художественного произведения.

2. Описание и анализ художественного произведения.

Темы самостоятельной работы:

1. Анализ рассказов Джорджа Салима.
2. Контекстуальное изучение творчества Гады ас-Самман.

ГЛОССАРИЙ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

1. Литературоведение – наука о художественной литературе. В ее составе – история литературы, теория литературы, литературная критика.

2. «ан-Нахда» – период с 19в-до начала 20 в. Именуется арабами «ан-Нахда» (возрождение). Идеологи «ан-Нахды» главный путь к возрождению видели в преодолении культурной отсталости, уничтожении религиозной розни, в экономических реформах.

3. «Ассоциация пера» – писательская организация, сложившаяся в Америке из арабских эмигрантов. Во главе этой школы стоял Джубран Халил Джубран.

4. «Египетские модернисты» – Школой «Египетских модернистов» принято называть многочисленную группу египетских писателей охотно усвоивших опыт западных литератур.

5. Схоластика – этим словом обозначается философия, преподававшаяся в школах средних веков. Схоластиком называют теоретика, забывающего важность практики и практического образования. Теперь слово «схоластика» применяется не только к средневековой философии, но ко всему, что в современном образовании и в ученых рассуждениях, хотя бы отчасти напоминают по содержанию и форме схоластицизм – и применяются обычно как отрицательный эпитет.

6. Компаративизм – направление в литературоведение второй половины 19 века . на первый план выдвигались внутри литературные стимулы деятельности писателей, т.е. имманентные и начало литературного развития решающее значение придавалось влияниям и заимствованиям.

7. Экзистенциализм – (от латин. *Exsistentia* существование). – философия существования, постигая себя как экзистенцию, человек обретает свободу, которая есть выбор самого себя, своей сущности, накладывающей на него ответственность за все производящее в мире. Различают религиозный экзистенциализм (К.Ясперс, Н.Бердяев и др.) и атеистический (М.Хайдеггер, Ж.Сартр, А. Камю).

Тесты
«ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОСТИ»

1. К какому научному направлению относится литературоведение?

- а) точные науки
- б) общественные науки
- в) естественные науки
- г) абстрактные науки
- д) психологические науки

2. Из скольких разделов состоит литературоведение?

- а) пять разделов
- б) один раздел
- в) три раздела
- г) два раздела
- д) шесть разделов

3. Назовите имена литературоведов с мировым именем.

- а) В. Пиотровский, А. Чехов
- б) Аристотель, В. Белинский
- в) А. Кодирий, А. Каххар
- г) М. Нуайме, Ю. Идрис
- д) Насиб Арида, С. Муса

4. Какова отличительная черта литературоведческой методологии XXI века?

- а) консерватизм
- б) плюрализм
- в) абстракционизм
- г) компаративизм
- д) структурализм

5. Назовите имена современных арабских литературоведов.

- а) Таха Хусейн, Махмуд Амин аль-Алим
- б) В. аль-Бунни, С. Хуранийя
- в) Шукри аль-Хури, Адиб Исхак

- г) А. аш-Шаркави, А. аль-Хамиси
- д) З. Тамер, Г. ас-Саман

6. Кто из узбекских учёных занимался изучением истории арабского литературоведения?

- а) Р. Ходжаева
- б) Р. Иномхужаев
- в) А. Касымходжаев
- г) М. Акбарова
- д) М. Зиёвутдинова

7. Кто из русских учёных внес вклад в изучение арабской литературы?

- а) Н. Конрад
- б) И. Ю. Крачковский
- в) Ю. Шарбатов
- г) Г. Н. Поспелов
- д) М. М. Бахтин

8. Когда зародилось современное арабское литературоведение?

- а) XVIII век
- б) XIX век
- в) XX век
- г) XXI век
- д) конец XIX, начало XX

9. Как называется период зарождения новой арабской литературы и науки о ней?

- а) период «нового реализма»
- б) период «новой волны»
- в) период Ренессанса
- г) период «ан-Нахда»
- д) период упадка

10. Кто автор 4-х томной «Истории арабскоязычной литературы»?

- а) М. Нуайме
- б) Джирджи Зейдан
- в) Амин ар-Рейхани
- г) Салама Муса
- д) Таха Хусейн

11. Что лежит в формировании современного арабского литературоведения?

- а) традиционализм
- б) эклектика
- в) сепаративизм
- г) описательность
- д) плагиат

12. К какому направлению принадлежит литературовед Аббас Махмуд аль-Аккад?

- а) идеалистическое
- б) материалистическое
- в) психобиографическое
- г) историческое
- д) анархическое

13. Назовите главное литературоведческое исследование А. М. аль-Аккада.

- а) «Свобода и искусство»
- б) «Квинт эссенция идей»
- в) «Дети нашего квартала»
- г) «Земля»
- д) «Сито»

14. Кто из учёных был главным оппонентом А. М. аль-Аккада?

- а) Фрейд
- б) Таха Хусейн
- в) Салама Муса
- г) Ибрахим аль-Мазини
- д) Тауфик аль-Хаким

15. Кто из средневековых ученых-суфиев повлиял на Аккада?

- а) Накшбанди
- б) аль-Газали
- в) Замахшари
- г) Мухаммад Абдо
- д) Джамаль ад-Дин аль-Афгани

16. Кто автор книги о литературной деятельности Н. Нуайме?

- а) Али-заде
- б) А. Имангулиева
- в) В. Борисов
- г) В. Кирпиченко
- д) С. Прожогина

17. Кто из русских ученых оказал влияние на становление Михаила Нуайме как литературного критика?

- а) Г. Н. Пospelов
- б) А. И. Ревякин
- в) В. Белинский
- г) М. М. Бахтин
- д) А. Е. Крымский

18. К какому направлению принадлежит М. Нуайме – литературовед.

- а) сравнительно-историческое
- б) историко-культурное
- в) формалистическое
- г) психо-биографическое
- д) компаративистское

19. Назовите основной литературоведческий труд М. Нуайме.

- а) «Вести из города»
- б) «Вне стен гарема»
- в) «Сито»
- г) «Ось литературы»

д) «Отцы и дети»

20. Кто из современников М. Нуайме стал героем его литературного портрета?

- а) Таха Хусейн
- б) А. ар-Рейхани
- в) Джубран Халил Джубран
- г) Насиб Арида
- д) Нодира Хаддад

21. Представителем какой литературной школы является Таха Хусейн?

- а) сиро-американская школа
- б) Новая волна
- в) романтическая школа
- г) школа «египетских модернистов»
- д) традиционная школа

22. Культура какой страны сыграла важную роль в становлении Т. Хусейна как писателя и учёного?

- а) Англия
- б) Америка
- в) Франция
- г) Марокко
- д) Турция

23. Сторонником какой методологии в литературоведении был Таха Хусейн?

- а) сравнительное литературоведение
- б) традиционное литературоведение
- в) биографическое литературоведение
- г) психологическое литературоведение
- д) модернистское литературоведение

24. В какой книге Т. Хусейна сравнительно-исторический метод был применён к Корану?

- а) «О доисламской поэзии»
- б) «Мученики на земле»
- в) «Дни»
- г) «Клич куропатки»
- д) «Возвращение духа»

25. Какую функцию литературы Махмуд Амин аль-Алим считал главенствующей?

- а) воспитательную
- б) эстетическую
- в) познавательную
- г) социальную
- д) развлекательную

26. Какую позицию занимает М. Амин аль-Алим по отношению к «философии экзистенциализма»?

- а) положительную
- б) отрицательную
- в) либеральную
- г) терпимую
- д) равнодушную

27. Сторонником какого метода в литературе был Махмуд Амин аль-Алим?

- а) модернизм
- б) романтизм
- в) классицизм
- г) реализм
- д) неореализм

28. Кто был идеологом философии экзистенциализма в арабской литературе?

- а) Н. Махфуз
- б) М. Нуайме
- в) Абдарахман аль-Бадави
- г) Салама Муса
- д) Махмуд Теймур

29. Кто из русских учёных встал на защиту Таха Хусейна?

- а) Г.Н. Пospelов
- б) И.Ю. Крачковский
- в) А.Е. Крымский
- г) М.М. Бахтин
- д) А.И. Ревякин

30. Был ли лично знаком Таха Хусейн с Жан Полем Сартром, Полем Валери?

- а) да
- б) нет
- в) был знаком с их трудами
- г) знаком через переписку
- д) через интернет

31. Кто является автором книги – «Формирование Саламы Мусы»?

- а) Тауфик аль-Хаким
- б) аль-Аккад
- в) Салама Муса
- г) Джубран Халил Джубран
- д) Нагиб Махфуз

32. Какая общественная система была идеалом Саламы Мусы?

- а) капитализм
- б) социализм
- в) халифат
- г) монархия
- д) республиканский строй

33. Кто из мировых писателей оказал влияние на формирование эстетических взглядов С. Мусы?

- а) Б. Шоу, Л. Толстой
- б) Т. Манн, Голсуори
- в) Н. Махфуз, аль-Ма'ари
- г) Драйзер, Фолкнер

д) А. Чехов, Ф. Достоевский

34. Какие недостатки были присущи литературным взглядам С. Мусы?

- а) чрезмерный социологизм
- б) оппозиция демократии
- в) увлечение модернизмом
- г) нигилизм
- д) традиционализм

35. К какой культуре были близки литературные идеалы Саламы Мусы?

- а) английской
- б) французской
- в) итальянской
- г) немецкой
- д) испанской

36. Какое произведение Ф. Достоевского перевёл на арабский язык С. Муса?

- а) «Бесы»
- б) «Преступление и наказание»
- в) «Идиот»
- г) «Бедные люди»
- д) «Братья Карамазовы»

Список литературы:

1. Арабская романтическая проза XIX-XX веков. Ленинград, 1981.
2. Акбарова М.Х. Очерки истории арабской литературы нового времени. Т., 2001.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики .М.,1975.
4. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М., 2000.
5. Имангулиева А. Ассоциация пера и Михаил Нуайме. М., 1975.
6. Крачковский И.Ю. Изб.соч.том 3, М.,- Л., 1956.
7. Касымходжаев А. Борьба идей в литературной жизни Египта. Т., 1983.
8. Михаил Нуайме. Мои 70-лет. М, 1980.
9. Мухтаров Т.А., Ходжаева Р.У. Традиция и современность. Т., 1999.
10. Р. Уэллек, О. Уоррен. Теория литературы. М., 1978.
11. Таха Хусейн. Избранное. Ленинград 1988.
12. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2005.
13. Ханна аль-Фахури. История арабской литературы. Часть 2, М., 1959.
14. Ходжаева Р.У. Очерки развития египетской поэзии. Е., 1985.
15. Юнг К.Г. Проблема души нашего времени. М., 1994.
16. Семантика образа в литературах Востока . М.,1998
17. Кирпиченко В.Н.Современная египетская проза. М.,1986
18. Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени. В двух частях.Ч.1.М.,1968,ч.2.М.,1973.
19. Взаимодействие культур Востока и Запада.М., 1987.
20. Русская классика в странах Востока.М.,1982.
21. Шеварнадзе В.В.От романтизма к экзистенциализму.,М.,1989.
22. Теоретико-литературные итоги XX века.М.,2003.
23. Али-заде Э.История литературы Сирии XIX-XX вв. М., 2007.
24. Мухтаров Т.А., Ходжаева Р.У. Традиция и современность. Т., 1999.
25. Конрад Н. Запад и Восток. М., 1966.

26. *Содержание*

Введение

I ГЛАВА. Теоретические проблемы специальности.

1.1 Литературная критика. Михаил Нуайме.

1.2. Сравнительно-исторический метод в арабском литературоведении. Таха Хусейн.

1.3. Психобиографическое направление в литературоведении. Махмуд Аббас аль-Аккад.

1.4. Социальное направление в литературоведении. Салама Муса

1.5. Демократическое направление в литературоведении. Махмуд Амин аль Алим.

II ГЛАВА. Принципы анализа художественного произведения

2.1. Основные понятия и термины теоретической поэтики

2.2. Принципы рассмотрения литературного произведения

Список литературы

Техник муҳаррир:

М.М. Зарифов

Компьютер версткаси:

Д.У. Арифжанова

Ушбу ўқув қўлланма ТошДШИ Ўқув-услубий кенгаши томонидан нашрга тавсия этилган (баённома №2, 25.11.2011).

Босишга рухсат этилди 06.02.12.

Бичими 60x84 ¹/₁₆. Шартли 5,5 б.т. 50 нусхада босилди. Буюртма №
Тошкент давлат шарқшунослик институтининг кичик босмахонаси.

Тошкент, Шаҳрисабз кўчаси, 25 уй.

© Тошкент давлат шарқшунослик институти, 2012